

**ДЕНИС
САМОРОДОВ**

DC
разделки и аспауы
THEGAMERU

**ГЛАВНЫЙ РЕСУРС
ИМПЕРИИ**

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Денис Самородов

**Главный ресурс
Империи (сборник)**

«АСТ»

2008

Самородов Д.

Главный ресурс Империи (сборник) / Д. Самородов — «АСТ», 2008

Имперский офицер, разжалованный за мятеж и сосланный на всеми забытую планету. Глава Особого отдела, контролирующей всю Империю. Император - жесткий правитель и одновременно послушная марионетка в руках опытного кукловода. Судьба сплетает их жизни в причудливый клубок, сталкивая друг с другом в самых неожиданных ситуациях. И только от них зависит, выживет ли огромная Империя или рухнет, не сумев преодолеть кризис безвластия. Но случайны ли все эти события? Или они - лишь часть большого спектакля, поставленного невидимым режиссером?

Содержание

Главный ресурс Империи	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Денис Самородов Главный ресурс Империи

Главный ресурс Империи

– Старший пилот! Старший пилот! Да-да, я к вам обращаюсь!

Мартин чертыхнулся про себя. Понесла же его нелегкая после бара в казармы! Казалось бы, чего проще переночевать в том же «Нескучном полете». И комнаты Старый Сэмми сдает всего по двадцать кредитов за ночь, а уж двадцатку Мартин как-нибудь бы наскреб из своего не такого и скудного жалования – на что-то, а на армию Империя денег не жалела. Просто ночь без соседей, на пусть не такой и чистой, зато гражданской кровати, а не на казарменной койке, дизайн которых был явно разработан по какому-нибудь военному спецзаказу с целью причинения максимальных неудобств.

Но нет же, дисциплина, вбитая в первый же год службы в имперских войсках, потащила его в расположение, хотя что он там позабыл поздним вечером, да еще и после пары (или все-таки тройки?) ядреных коктейлей Сэмми, Мартин, хоть убей, объяснить не смог бы.

– Старший пилот! Что за вид?

Увидев, на кого он наварлся, Мартин затосковал. Перед ним стоял молодой флай-лейтенант, почти сразу после окончания офицерского училища сосланный непонятно за какие грехи на их захолустную военную базу. Сюда направлялся исключительно проштрафившийся военный контингент, дабы не разбазаривать понапрасну средства, вложенные Империей в их обучение. Денег на армию Империя действительно не жалела, но и выбрасывать их на ветер не собиралась. Так вот этот флай-лейтенант, не успев принять командование над личным составом из пятнадцати пилотов и трех старших пилотов, умудрился так их достать своими уставными неуклюжими придирками, что его за глаза тут же прозвали Уморыш, тем более что ни ростом, ни телосложением лейтенант, мягко говоря, не блистал. Причем кто-то не поленился сделать так, чтобы это прозвище окольными путями достигло ушей самого флай-лейтенанта, что нисколько не улучшило отношений между ним и рядовым составом.

– Что у вас с формой, старший пилот? Вы в армии или в борделе?

«Ну чего тебе все неймется? За что тебя вообще определили сюда, такого правильного? Флай-адмиралу на незастегнутый воротник попенял?» – Мартин чувствовал, что, подогретый выпитым (нет, все-таки их было три! и что Старый Сэмми туда мешает?), начинает закипать и вот-вот сорвется. Отвечать Уморышу было нельзя. Это Мартин понял в первую же с ним встречу, так как любой ответ добавлял еще минут пять нотаций на тему, чего не должен себе позволять «доблестный имперский воин, в чьей храбрости и безукоризненном внешнем виде нуждается родная Империя». Если же отстоять с тупым взглядом минут десять, то лейтенант иссякал и удалялся искать новую жертву. Мартин скрипнул зубами и постарался, чтобы на его лице ничего не отразилось, одновременно пытаясь дышать в сторону.

– Вы что, еще и пьяны? – все равно унюхал флай-лейтенант. – Вы хоть отдаете себе отчет, что своим видом позорите армейскую честь Империи? Что о нас подумает общество, возложившее на нас высокую миссию по обеспечению своей безопасности? – Уморыш все больше и больше скатывался на крик.

«Да он же сумасшедший, – отстраненно подумал вдруг Мартин, – ну точно, тьмой накрытый на всю голову. Вот небось и причина его перевода сюда. Это надо ж загнуть – обеспечению безопасности. Кого тут обеспечивать? Сэмми с его девками? Так он сам наверняка давно особым отделом завербован, вот уж кто в безопасности уж точно не нуждается. Пара полузаброшенных шахтерских поселков, городок вокруг части да собственно сама наша штрафная военная база – вот и все общество на тысячи квадратных километров вокруг». Зачем Империи нужны такие планеты, Мартин никогда не понимал. Полезных ископаемых на ней не водилось изначально, для колонизации она была практически непригодна – сплошной камень и песок, только что атмосферный состав подходил для людей почти идеально. В политическом плане она тоже не представляла какой-либо ценности, президент соседней Бархии давным-давно от имени своего народа принес публичную клятву верности, и вот уже несколько десятилетий почти четверть всей промышленности мирной республики исправно работала на военную

мощь Империи. Иногда Мартину казалось, что их база нужна здесь исключительно для демонстрации размаха имперских амбиций, но кому они их тут демонстрируют, оставалось для него загадкой. Хотя, с другой стороны, куда еще девать людей с пометками особого отдела в личном деле «неблагонадежен» и устаревшую боевую технику, как не на такие вот всеми забытые военные базы.

– Старший пилот! Вы меня вообще слышите? Или так притомились в этом вашем вертепе?

Уморыша потянуло на любимую тему. Буквально в первые же дни он подал рапорт начальству о недопустимости расположения объекта аморального свойства рядом с военной базой, так как это негативно сказывается на боевом духе вверенного ему подразделения и подрывает воинскую дисциплину, на которой зиждется благосостояние Империи. После чего, по слухам, имел приватный разговор с овер-майором особого отдела, который, как ни странно, тоже был в некотором роде сослан сюда за неумеренную тягу к спиртному. В результате данного разговора Сэмми со своим «Нескучным полетом» остались на предыдущем месте, что только укрепило Мартина в подозрениях на его счет, а флай-лейтенант ходил несколько дней изрядно помрачневший, отыгрываясь опять-таки на пилотах.

– Перетрудились, что даже язык не шевелится?

И тут Мартин не выдержал.

– Да, сэр! – гаркнул он. – Уморился немного, сэр!

Буквально сразу до него дошло, что он сказал, и Мартину стало весело. Решив, что хуже все равно уже не будет, он не стал сдерживаться и ухмыльнулся.

Через несколько секунд слово «уморился» дошло и до Уморыша. Он побагровел, вытянулся, несколько раз открыл и закрыл рот, от чего стал еще более напоминать голодного птенца, после чего резко повернулся и чуть ли не бегом направился к зданию штаба.

Мартин задумчиво посмотрел ему вслед и неспешно пошел по направлению к гауптвахте. Направление оказалось верным, и уже через несколько минут, сопровождаемый красным от злости Уморышем и сочувственными взглядами патруля, Мартин был сдан под арест на трое суток с шикарной формулировкой «оказывал знаки неуважения имперскому офицеру».

– Зато двадцать кредов сэкономил, – вслух произнес Мартин, злясь на себя, флай-лейтенанта и весь мир в целом. Успокоения это ему не добавило – на гауптвахте не было даже так нелюбимой им армейской койки, а спать предполагалось на откидной плоскости, вероятно, для усиления воспитательного эффекта. Мартин тяжело вздохнул, повозился минут пять на жесткой поверхности, рисуя у себя в воображении всевозможные беды, приключаящиеся в это время с Уморышем, и незаметно уснул.

Выспаться ему не дали. Ранним утром Мартина почтил визитом сам овер-майор Отто Райсман, за глаза прозванный у них на базе Гнусманом.

Гнусман был выдающейся личностью. Формально находясь в подчинении лишь у командующего их военной базой, на деле он был сам себе и начальник, и подчиненный, и только тьма ведает, что за секреты хранились в его маленькой штабной комнатке со скромной табличкой «Овер-майор О. Райсман. Работа с личным составом». От цепкого взора его серых глаз (Мартина всегда было интересно, почему у всех особистов серые невыразительные глаза – отбирают их, что ли, по этому критерию, или это приходит во время работы) не укрывалась ни одна мелочь, ни один малейший проступок. Поговаривали, что у Гнусмана помимо официальных личных дел хранятся обширнейшие досье на каждого солдата и офицера их базы, просто-таки сочащиеся отборным компроматом. Поговаривали, что на Гнусмана работает половина гражданского населения, а другая половина по его же поручению исправно приглядывает за первой половиной. Поговаривали... Да много чего поговаривали, но факт остается фактом – Гнусман был в курсе всего, что вообще творилось в обжитой части этой захудалой планеты. И цены бы

не было этому особисту, и давно бы быть Райсману овер-полковником какого-нибудь столичного сектора, если бы не один грешок, стоивший ему карьеры, – Райсман любил приложиться к бутылке. И все бы было ничего, если бы он пил как все обычные люди, ибо кто ж против пропустить стаканчик после долгого служебного, дня да еще за здоровье Императора и процветание Империи. Но нет, Райсман пил страшно и в одиночку. Запершись у себя в кабинете на всю ночь, он неизменно выходил на следующий день бледный, но подтянутый и гладко выбритый, и лишь щедро выделяемые его организмом пары перегара красноречиво говорили о прошедшей бессонной ночи, причем на следующие сутки все повторялось заново. Злые языки утверждали, что не загнуться Гнусману от такого образа жизни помогают лишь специальные стимулирующие препараты, которые распространяются исключительно по ведомству особого отдела, да и то не всем, а по большому благу. Данное явление носило необъяснимо циклический характер, длилось дней пять-восемь, и примерно месяц после этого Гнусман не брал в рот ни капли, но потом срывался, и все повторялось вновь. Дни гнусмановского запоя считались на базе почти что праздниками, так как в это время он был тих, задумчив и рассеян. День же выхода Гнусмана из запоя называли судным, потому как складывалась впечатление, что именно в этот день ему жизненно необходимо наверстать упущенную неделю, обработать всю скопившуюся информацию и провести «работу с личным составом».

Так вот день, который Мартин встретил на гауптвахте, как раз и был тем самым «судным» днем. И появление овер-майора уж точно не сулило ничего хорошего, тем более что, судя по времени посещения, Мартин оказался сегодня у Гнусмана первым объектом для работы.

– Старший пилот Мартин Клэй, сэр! – отчеканил Мартин, резко вскочив при виде Гнусмана. Голова на столь резкий переход из горизонтального положения в вертикальное отозвалась резкой болью (Сэмми, подлец, не жаловал мелких стаканов у себя в заведении, презрительно называя их наперстками).

– Тише, тише, старший пилот Мартин Клэй, не на плацу. – Гнусман неодобрительно поморщился, видать, запойная неделя все-таки давала о себе знать и ему. – Ну-с, что тут у нас? Появление на территории в состоянии алкогольного опьянения, недисциплинированность, «знаки неуважения имперскому...». – Тут Гнусман вопросительно поднял бровь и заинтересованно посмотрел на Мартина.

– Не могу знать, сэр! – не менее громко доложил Мартин. Гнусман опять поморщился, но ничего не сказал. Пройдя пару шагов к забранному решеткой окошку, он зачем-то провел пальцем по маленькому подоконнику, критически осмотрел следы пыли на перчатке и так же молча повернулся к Мартину.

«Ну что ты тянешь...» – мысли ворочались лениво, пульсирующая боль в голове отдавалась в ушах. Мартин отчаянно нуждался еще хотя бы в паре часов сна. Стоя подчеркнуто навывтяжку, он сосредоточенно рассматривал трещину в стене прямо перед собой. Трещина была извилистой и чем-то напоминала реку на старых бумажных картах, которые Мартин видел когда-то в исторической хронике. Реку, полноводную реку. Полную холодной, освежающей воды... Мартин с трудом отогнал от себя видение и судорожно попытался сглотнуть пересохшим горлом. Ужасно хотелось пить.

– Так вот, старший пилот Мартин Клэй, сегодня утром я получил рапорт от вашего непосредственного командира флай-лейтенанта Райлера. Как вы думаете, что он требует сделать, – тут Гнусман запнулся, очевидно, вспоминая или скорее всего делая вид, что вспоминает, – цитирую, с «несознательным элементом, подрывающим основы Империи при помощи несоблюдения уставных правил уважения по отношению к офицеру»? «Несознательный элемент» – это вы, – любезно добавил он, как будто это могло быть кому-то из них двоих непонятно.

– Не могу знать, сэр! – блеснул красноречием Мартин.

Судя по всему, другого ответа овер-майор и не ожидал.

– А требует он ни больше ни меньше публичной экзекуции, – дальше, очевидно, опять шла цитата, – «в назидание остальным с целью пресечения недопустимых явлений неподчинения». Как вы думаете, старший пилот, что я должен предпринять в связи с получением такого рапорта? Удовлетворить прошение флай-лейтенанта или... – Гнусман сделал неуместную, но вполне ожидаемую театральную паузу.

У «несознательного элемента» Мартина имелось несколько предложений по поводу рапорта в частности и флай-лейтенанта в целом, хотя озвучивать их в присутствии овер-майора ну никак не годилось. Поэтому он ограничился стандартным:

– Не могу знать, сэр! Это в вашей компетенции, сэр!

Гнусман довольно кивнул. И Мартин, и он прекрасно понимали, что с прошением о публичной экзекуции Умориш несколько превзошел даже самого себя. Это наказание практиковалось в настолько редких и показательных случаях, что все случаи его применения за последнюю сотню лет можно было пересчитать по пальцам. Причем даже расстрел на линии боевых действий за, к примеру, довольно редкое дезертирство был более обыденной практикой и проходил в военном ведомстве как боевые (репутация имперской армии превыше всего!) потери.

– Ладно, старший пилот, свои трое суток вы уже получили. Я считаю это наказание вполне адекватным и даже знать не хочу, как именно вы изволили не уважать флай-лейтенанта Райлера. Просто в будущем постарайтесь не доводить дело до рапорта нашему ведомству. Считайте это приказом. – Гнусман повернулся и направился к выходу.

Мартин расслабился. Не так уж и плохо все обернулось. Сейчас он рухнет на свое ложе и будет спать. А потом проснется, выпьет пусть теплой воды (как раз будет завтрак) и еще немного подремлет. И еще двое с половиной суток никаких ни тренировочных, ни патрульных вылетов.

– И я надеюсь, этот приказ вы сможете выполнить, господин флай-капитан? – Райсман сделал особое ударение на слове «этот».

За это его и прозвали Гнусманом. В тот самый момент, когда человек ничего не подозревал и был полностью расслаблен, овер-майор умудрялся сказать что-либо такое, что надолго выбивало из равновесия даже самых устойчивых людей. И тогда Гнусман либо вцеплялся в них мертвой хваткой и выцарапывал какие-нибудь очередные сведения сомнительного порядка, либо просто смаковал панику и беспорядочные попытки собеседника собраться с мыслями.

Мартин вздрогнул, что явно не укрылось от глаз овер-майора.

– Старший пилот, сэр! – внезапно охрипшим голосом поправил он, кляня себя за то, что опять пропустил неожиданный выпад Гнусмана. Судя по всему, разговор только начинался, а все, что было до этого, носило исключительно подготовительный характер.

– Как вам будет угодно, господин бывший флай-капитан. – Даже не смотря на Гнусмана, Мартин знал, что тот сейчас тщательно вглядывается в него, изучая и анализируя реакцию на свои слова. – Меня всегда интересовало, какой приказ может не выполнить подающий блестящие надежды офицер, чтобы в одночасье оказаться разжалованным в старшие пилоты и быть сосланным на заштатную планету-пустынный?

– Сэр, в моем личном деле указано, сэр!

– В вашем личном деле указано «невыполнение прямого приказа, пособничество мятежу». Это все... – Гнусман встал так, чтобы стоящий смирно Мартин мог его видеть, и сделал небрежный знак рукой в воздухе, – ...не более чем официальные формулировки, слова, за которыми можно скрыть все что угодно. Вот мне и хотелось бы знать, что скрывается в вашем прошлом, господин бывший флай-капитан.

И опять это немного издевательское «бывший». И серые глаза, кажется, сверлят прямо до мозга, копаясь и сортируя полученную информацию. Мартин сосредоточился на переносице Гнусмана и сказал, тщательно подбирая слова:

– Сэр, моему проступку присвоен закрытый статус класса «А», сэр! Я не могу обсуждать его ни с кем, кроме тех, кто непосредственно вел расследование инцидента, – и, немного выждав, так, чтобы пауза была заметна и намек дошел, – сэр!

Гнусман оставил попытки поймать взгляд Мартина.

– Я ведь могу узнать это и по своим каналам, старший пилот, – вкрадчиво разжаловал он Мартина из «бывших», – но хотелось, знаете, как-то по-свойски, что ли, без привлечения излишнего внимания. А вы сразу в штыки все восприняли. Жаль!

«Ни хрена ты не можешь, тьма тебя накрой! Мог бы – давно бы все раскопал». Мартин уже успел по двадцатому разу проклясть это утро, Гнусмана и всю имперскую армию в целом. И пить, как же хочется сделать хоть глоток воды!

И опять перед глазами захлебывающийся от восторга мальчишка, показывающий пальцем на бескрайний морской простор: «Папа, папа, смотри – вода! Это все вода!» И женщина, крепко держащая мальчика за руку, которому уже не терпится бежать скорей туда, где так интересно и так много воды, улыбается приветливо и машет рукой. И голубое небо ласково укутывает изумрудную лагуну, где все просто дышит покоем и какой-то нереальной, прямо-таки райской умиротворенностью.

Она так и называлась – Изумрудный Рай. Нет, конечно, у нее было какое-то свое название, состоящее из букв и цифр, так как на военных картах Империи таким словосочетаниям не было места, но все называли ее именно Изумрудный Рай. Это была одна из редких планет, идеально подходивших для проживания человеческой расы, с единственным огромным материком, окруженным со всех сторон теплым океаном и покрытым практически на девяносто процентов девственными лесами. Рай, по-другому и не скажешь. Принадлежала она сателлиту Империи, мелкому королевству Ларга, что владело, кроме Изумрудного Рая, еще лишь парой планет и ничего ни в политическом, ни в экономическом отношении не представлявшее. В обмен на давно устаревшие технологии (Империя всегда щедро делилась тем, в чем она уже не испытывала необходимости) Ларга практически с самого начала вошла в состав Империи, и, более того, к этому времени население Ларги уже примерно наполовину состояло из имперских колонистов, которых привлекали гостеприимные планеты королевства. Изумрудный Рай был скорее своего рода курортом, и на военную базу, размещенную там, попасть считалось довольно большой удачей.

Мартина Клэя вполне можно было назвать удачливым. В двадцать семь лет, выжив после сражения в Валлийском секторе (или, как ее неофициально именовали, Валлийской бойни), он получил свое очередное звание флай-капитана и был направлен, очевидно, в качестве реабилитации, на военную базу на Изумрудном Раю, где и прослужил следующие пять лет. Пять лет безмятежного существования, без войн и неожиданных перебросок – изрядно потрепанная Империей соседняя Валлия тем не менее сумела отстоять свой суверенитет и даже сохранить остатки боевых флотов, так что в этом секторе сохранялся хоть и хрупкий, но мир. Даже у Империи не хватало ресурсов вести войны одновременно на всех возможных направлениях. Впрочем, ходили упорные слухи, что валлийцы несколько не обольщались по поводу заключенного мирного договора и ударными темпами восстанавливали подорванный военно-промышленный комплекс.

Но счастливого флай-капитана в то время слухи интересовали в последнюю очередь. Вернувшись живым и невредимым из почти двухгодичной мясорубки, где потери в боевой технике исчислялись десятками тысяч, а потери в личном составе прятались за политкорректным словом «соизмеримые», Мартину хотелось просто жить и радоваться лишь тому замечательному факту, что он еще способен чему-то радоваться. Хотя даже здесь, в раю, по ночам его преследовал один и тот же кошмар. Перед самой отправкой на Изумрудный Рай Мартин попал на орбитальную базу около планеты, где еще буквально месяц назад кипели ожесточен-

ные бои. До отхода транспорта оставалось еще несколько часов, и Мартин, изнывая от безделья, отправился бродить по каким-то переходам. Случайно выйдя на смотровую площадку, он ужаснулся – вся орбита планеты была усеяна неспешно дрейфующими обломками техники, перекореженными остовами боевых кораблей, а между ними, как мусор, виднелись вкрапления изуродованных и перекрученных человеческих тел, как в имперской, так и в валлийской форме, больше похожих на цветные пятна на однообразном стальном сером фоне. Орбитальная база оказалась не чем иным, как чистильщиком – вокруг ее огромных клешней шныряли роботы-сборщики, деловито копаясь в обломках и сортируя добычу, упаковывая ее в контейнеры для последующей переработки. Мимо застывшего Мартина проплыл контейнер из прозрачной пластистали, доверху набитый утрамбованными человеческими телами – технологии Империи позволяли даже этот материал разложить на полезные составляющие (родственникам погибших военнослужащих присылались лишь медальон с именем и стандартная урна с прахом, который оставался после переработки и не годился никуда, кроме как на выброс). Результатом этой прогулки была беседа с особистом, который настойчиво посоветовал забыть увиденное и воспринимать имперское «Все для победы!» исключительно как лозунг. Мартин искренне постарался последовать совету, но с той поры практически каждую ночь ему снилось, что он приходит в себя на дне в таком вот контейнере, под завязку набитом трупами, и не может ни вздохнуть, ни пошевелиться, ни даже закричать.

А потом Мартин встретил Ольгу. И именно она стала его лекарством от кошмаров.

Это случилось после какой-то заурядной вечеринки, которые Мартин в то время посещал с упорным постоянством, словно пытаясь наверстать упущенное. Нетрезвый флай-капитан с компанией таких же скучающих офицеров, которым некуда было девать время и креды, вывалились из бара шумной толпой на улицу, прихватив с собой бутылку «Светлой Ларги», и зачем-то потащились все вместе на пляж. По дороге бутылка опустела, а сама компания изрядно поредела, и в результате Мартин потерялся и пришел в себя только на главной площади городка, около фонтана в виде государственного символа королевства. Незнакомая высокая ларганианка с черными печальными глазами, стоящая рядом, почему-то улыбнулась ему и грустно сказала:

– Вы слишком много пьете, офицер. Поверьте, этим вы себе не поможет.

– В ваших глазах можно утонуть, – ляпнул Мартин очередную банальность, пытаясь не слишком заметно пошатываться, и вдруг понял, что действительно тонет. Черные зрачки затягивали его, и от неожиданности Мартин практически протрезвел. На душе у него вдруг стало так легко и спокойно, как будто он снова вернулся в беспечное детство, словно и не было изматывающих последних военных лет. Тяжесть, появившаяся после посещения орбитального мусорщика и которую он на самом деле все это время пытался не замечать, вдруг куда-то растворилась и исчезла без следа. Ларганианка взяла его за руку и сказала:

– Я Ольга. Проводите меня домой?

Мартин проводил. И остался. Остался на самые счастливые пять лет своей жизни.

Позже он так и не мог вспомнить, что же было правдой в тот вечер, а что навеял алкоголь, и по какому-то молчаливому сговору они с Ольгой никогда не разговаривали об этом. Одно Мартин знал точно – после этого вечера сон его был спокоен и безмятежен.

* * *

Пять лет прошли как один месяц. Если бы не официальные имперские законы, то Ольга давно бы носила фамилию Клэй, а их четырехлетний сынишка с полным правом называл бы Мартина отцом. Но даже это не могло омрачить счастье Мартина, который радовался каждому мигу своего пребывания на Изумрудном Раю.

И тут Империя встретила на пути своей безудержной экспансии расу энергов.

Все войны до этого человеческая Империя вела лишь с себе подобными. После Темного Исхода, про природу которого до сих пор не было ничего ясно, что давало благодатную почву для разного рода теорий, человечество оказалось разбросано по вселенной, разобщено и раздроблено на самодостаточные сообщества на отдельных планетах. Некоторые из них сгинули без следа, некоторые стали развиваться, и результатом развития был выход в космос, освоение окружающего пространства, первые контакты с себе подобными, эйфория от осознания своего неодинокства и, естественно, первые войны за подходящие планеты и ресурсы. Шли века, сменялись правители, гремели сражения, техника улучшалась – человечество прилежно совершенствовалось в деле уничтожения самих себя. И Империя была на самом гребне этой безудержной волны. Некоторые ученые робко высказывали мысль о том, что предыдущий Темный Исход есть не что иное, как результат критического накопления напряженности среди человечества в прошлом, быть может, даже действие какого-либо мощного оружия прародителей людей, и что сейчас все идет лишь к новому витку вселенской истории. В Империи с такими проводилась разъяснительная работа, в результате которой ученые сами же доказывали несостоятельность своих теорий, однако ходили упорные слухи об организации специальных исследовательских центров на небольших, не тронутых цивилизацией планетах с целью как раз поиска, возможно, существующих древних артефактов. Лишь в одном ученые были солидарны – человечество одиноко во вселенной, незначительные различия среди выходцев из разных миров, обусловленные внешними условиями развития, лишь подчеркивали это.

И тем неожиданнее была встреча с энергами.

Сообщения об атаке неопознанными кораблями линейного флота Империи прошли на всех официальных каналах, причем линейный флот там упоминался в качестве «понесшего сравнительно большие потери и отступившего для переформирования», что на доступный язык без труда переводилось как «был разбит и бежал». Удивительно было и то, что нападение произошло в сравнительно чистом секторе, испокон веков принадлежащем Империи, и врагов, которые могли бы изрядно потрепать линейный флот в составе нескольких легких крейсеров и десятка сторожевых кораблей, там просто-напросто быть не могло. Но тем не менее они присутствовали.

Мартин помнил панику, которая пронеслась волной по информационному сообществу людей. Помнил истеричные призывы различного толка вплоть до всеобщей мобилизации перед лицом внешней угрозы. Помнил толпы людей, безмолвно наблюдающих на больших уличных проекционных экранах первую видеозапись чужих кораблей, сделанную автоматическим имперским зондом-разведчиком за десять минут до его уничтожения. Помнил общую подавленность, охватившую всех после этой записи асимметричные контуры огромных, явно нечеловеческих дредноутов с пробегающими по корпусу синими разрядами смотрелись настолько угрожающе, что даже на залитой светом площади посреди ясного дня становилось не по себе.

Надо отдать должное, пропагандистская машина Империи сработала тогда на славу. Именно в тот момент, когда напряжение подошло к наивысшему моменту и затишье могло вылиться в неконтролируемую бурю, по официальным каналам передали внеочередное послание Императора, обращенное ко всем народам Вселенной. Усталый человек на экране в форме имперского офицера призвал всех не поддаваться панике и сохранять спокойствие. Послание длилось сорок минут и изобиловало фактами (имперские научники не зря считались самыми передовыми во вселенной). Видеохроника вскрытия сбитого корабля энергов, выдержки из подробнейшего доклада о природе энергов и о том, что разведке удалось отследить координаты отправки чужого флота, само меткое название «энерги» (давно известно, что названное страшит гораздо меньше неопределенного) и под конец, как кульминация, несколько секунд допроса захваченного живого представителя чужой расы. Наверное, в эти секунды все человечество с замиранием сердца следило, как человек в форме ресерч-лейтенанта (что тоже само по себе было тонким ходом – дело доверено всего лишь лейтенанту, а значит, не представляет

особой сложности) с помощью какого-то оборудования колдует над синеватым амебоподобным существом размером не больше метра, причем явно видно, как на вполне осмысленные и деловитые действия научника «амеба» болезненно реагирует, сжимаясь и дергая странным отростком. Мартин поймал себя на мысли, что, стоя в толпе, он вместе со всеми почти что смакует мучения чужого. И что его накрывает радостная эйфория любого имперского воина: вот он, враг, повержен, допрошен и раздавлен интеллектуальной мощью Империи.

А потом было изгнание из рая.

То утро Мартин запомнил почему-то урывками. Вызов из штаба с приказом немедленно прибыть на базу, машущая Ольга с ребенком, стоящая на берегу моря. «Папа, папа, смотри – вода!» Взмах рукой в ответ, бесполезное, унесенное ветром в сторону «Скоро вернусь, ждите!». Непривычно оживленная военная база, переполненный штаб, незнакомый овер-подполковник. «Флай-капитан Мартин Клэй? Замечательно! Принимайте под командование планетарную штурмовую группу и немедленно в воздух! Как за чем, вы откуда вообще? На Ларге мятеж! Мы на территории врага!»

Бюрократическая система Империи в тот день дала сбой. Бывшие враги объединялись перед лицом общей опасности, и королевство Ларга было обменено по дипломатической договоренности на военную помощь Валлии. Королева Ларги выступила с неизбежным в таком случае обращением о принятии протектората, валлийцы, в свою очередь, стали готовить к передаче под знамена Империи новейшие боевые корабли, и только имперское военное ведомство, расквартированное на Ларге, в хаосе тех дней не получило никаких уведомлений.

В оправдание овер-подполковника, волею судеб оказавшегося в то время на отдыхе в Изумрудном Раю и из-за своего звания ставшего в один миг высшим должностным лицом сектора, можно упомянуть то, что сразу после выступления королевы он пытался связаться со своим начальством, но из-за неполадок в перегруженной межпланетной коммуникационной сети сделать этого не смог. И ему не оставалось ничего другого, как действовать согласно инструкции – любой сателлит Империи, переметнувшийся на чужую сторону, автоматически признавался врагом и подлежал немедленному показательному уничтожению.

После Мартин неоднократно проклинал себя за то, что в тот день отказался возглавить планетарную штурмовую группу, прибывшую на Изумрудный Рай. Ведь, не помести его раздраженный овер-подполковник под арест за невыполнение приказа, Мартин мог бы получить под свое командование самое мощное боевое формирование на поверхности планеты, и тогда уж точно плевать на какие-либо приказы до прихода сил подавления. Но вместо этого он потребовал письменный приказ о штурме, заверенный имперским штабом координации секторов, с которым и пытался безуспешно связаться овер-подполковник, и в результате просидел взаперти сутки, метаясь по камере, как раненый зверь.

А в это время Изумрудный Рай буквально перепахивали пять планетарных штурмовиков. Позже Мартин во время разбирательства военным следователем его дела был ознакомлен с подробной видеозаписью проведенной высадки. Это было неременным условием любой имперской военной операции – все бои тщательно фиксировались и переправлялись либо в архив, либо для скрупулезного изучения аналитическим отделом с целью определения наиболее уязвимых мест врага.

Ларгонианские вооруженные силы, представленные устаревшими транспортом, полученными от Империи же, были сметены в первое мгновение, так и не попытавшись оказать сопротивления. Штурмовики, не прекращая плотного огня и развернувшись над столицей Изумрудного Рая, отчего большая часть города мгновенно погрузилась в хаос пожаров и разрушений, двинулись каждый по расходящейся спирали в глубь континента. Если смотреть сверху, то можно было увидеть, как в лесах Изумрудного Рая расцветает огненный цветок с пятью лепестками, на концах которых двигаются темные точки штурмовиков. С орбиты планеты это

смотрелось даже красиво, но зонду-разведчику, бесстрастно ведущему запись, такие чувства были недоступны.

Через несколько часов планета пылала. На месте бывшей столицы торчали обугленные скелеты зданий, которые не обрушились лишь потому, что материал, из которого они были построены, расплавился и потек, спекая их и всех, кто там находился, в гигантские могильники. Позже было установлено, что первым же ударом было уничтожено около восьмидесяти процентов населения, включая высшее звено власти в лице наместницы королевы и ее свиты. И уж совсем непонятно было, зачем овер-подполковнику понадобилось посылать на поверхность планеты карательный отряд зачистки.

Это были особые силы Империи, которых побаивались даже свои регулярные войска. Набирались они исключительно из искалеченных в боях солдат, тела которых были настолько повреждены, что их уже не могла восстановить и передовая медицина. Тьма знает, что с ними делали имперские ученые в своих лабораториях, но после этого люди, или, точнее, то, что от них оставалось, оказывались намертво впаянными в тяжелые бронекостюмы. Вооружены они были лишь лазерными резаками, да другого оружия им и не требовалось. Использовали группы зачистки исключительно в целях деморализации противника, так как, одурманенные специальным химическим составом перед операцией, они превращались в практически неуязвимые машины для уничтожения, одержимые лишь одной целью – найти и ликвидировать любую человеческую особь. Города, где проводилась зачистка, пустели буквально за несколько часов, улицы после такой операции были в прямом смысле слова усеяны расчлененными телами, причем некоторые оказывались просто разорваны – в зачистке даже не всегда пользовались резаками. Через примерно сутки действие препарата проходило, и каратели тупо застывали на месте, ожидая прибытия персонала обслуживания. После этого зачистку бережно сопровождали на транспорт обеспечения, где отмывали, латали и помещали в капсулы хранения до следующего использования. К слову сказать, среди имперских военных попасть в отряд карателей после ранения было весьма непопулярным развитием событий, и поэтому тяжелораненые солдаты предпочитали кончать жизнь самоубийством, не дожидаясь вердикта медиков.

Когда Мартина привели к овер-подполковнику, он и его штаб были пьяны, то ли праздную удачную «операцию», то ли пытаясь сбросить напряжение последнего десятка дней. Увидев натянутого как струна флай-капитана, тот приветственно заорал:

– А! Вот и наш мятежный флай-капитан, как вас... Клэй? Присоединяйтесь-ка! Сделаем вид, что ничего не было, а, капитан? Признаю, погорячился, погорячился! Но и ты, капитан, пойми – против кого ты уперся? С овер-канцелярией спорить?

Мартин сделал над собой усилие и, с трудом разомкнув сведенные скулы, смог лишь прохрипеть:

– Что с планетой?

– Нормально все с планетой, капитан, расслабься, – заржал овер-подполковник, поддерживаемый неуверенными смешками стоящих вокруг офицеров. – Чиста, как девственница перед свадьбой! Что там эта шлюха-королева со своими девками может противопоставить славному имперскому воину! Так что, капитан, – доверительно подмигнул он, – если не успел переспать с какой-нибудь ларганианской потаскушкой, то извини, теперь с ними зачистка развлекается, а после карателей, сам понимаешь, не особо-то попользуешься... пардон, не комплект!

Почему-то у этого смеха был цвет. Перед глазами Мартина пульсировала багровая тьма, отдаваясь в ушах гулками раскатами, и белесым пятном на ней выделялось ухмыляющееся лицо.

Как он вырвал табельный лазерник у какого-то подвернувшегося под руку офицера, Мартин позже не мог вспомнить. Запомнилась ему лишь голова овер-подполковника, лишившаяся ровно по линии глаз верхушки черепа и продолжавшая глупо скалиться, как будто Мартин только что отмочил изрядную шутку.

Ночью после этого опять помещенный под стражу Мартин долго не мог уснуть, сидя на полу у стены и напряженно вглядываясь в пустоту перед собой. Когда же его все-таки накрыла усталость последних суток, флай-капитана снова навесил его навязчивый кошмар. Только в этот раз Мартин смотрел на контейнер снаружи, точь-в-точь как там, на орбитальной станции, а за прозрачной стенкой прямо перед ним были прижаты лица Ольги и его сына.

После этого было долгое разбирательство, настойчивый тихий голос военного следователя: «Понимаете, флай-капитан, особые обстоятельства... ошибочные действия... овер-канцелярия требует... но мы не можем все замять... Империя милостиво позволяет искупить...» Мартин находился тогда в какой-то прострации, в некоем полусне, машинально подписывая все, что ему давали. В результате примерно через месяц он обнаружил себя на какой-то тьмой забытой военной базе, разжалованным до старшего пилота, причем об инциденте на Ларге не было ни одного упоминания на открытых каналах Империи, и складывалось впечатление, что королевство в одночасье просто перестало существовать. Когда же бывший флай-капитан попытался выяснить хоть что-нибудь по этому разбирательству, он был немедленно ознакомлен с подписанным им же уведомлением о присвоении делу закрытого статуса класса «А», что в переводе означало «этого не было, потому что и быть такого в Империи не могло».

Что позволило ему пережить первый год после резни на Ларге, Мартин и сам не смог бы толком объяснить. То ли военный распорядок рядового состава, выматывающий его до самого основания (тогда в связи с обнаружением энергов все военные базы были приведены в состояние повышенной боевой готовности), то ли природное упрямство, но старший пилот Мартин Клэй исправно нес армейскую службу, изредка провожаемый недоуменными взглядами сослуживцев, когда вызывался на внеочередное патрулирование. Впрочем, каждый из них имел что-то за душой, и лишние вопросы на их штрафной базе были не в почете.

И уже через год Мартин с каким-то удивлением обнаружил, что может и улыбаться, и трепаться на какие-то отвлеченные темы в баре у Сэмми. И что кошмар, посещавший его первое время практически каждую ночь, появляется все реже и реже. И что он уже даже не может вспомнить лица убитого им овер-подполковника. Где-то внутри Мартин собрал все воспоминания о происшедшем в маленькую темную комнатку и тщательно замуровал ее основательной, как ему казалось, дверью, такой, чтоб уж точно никогда ее больше не открывать.

А Гнусман каким-то образом взломал ее за несколько минут.

Наверное, что-то такое настолько темное всколыхнулось в глазах Мартина, что овер-майор непроизвольно сделал шаг назад.

– Да, жаль, – на автомате произнес он и стал потихоньку сдвигаться в сторону двери, так как звериное чутье особиста подсказало ему, что в этот раз он несколько перегнул палку.

И снова пульс, бьющий в уши. И снова перед глазами все покрыто багровой дымкой. И вот же он, тот самый овер-подполковник, почему-то вжавшийся в стену, но продолжающий гнусно ухмыляться.

Мартин прекрасно осознавал, кто он и где находится, но почему-то понимал это как бы отдельно, вне своего тела, как если бы он стоял и наблюдал за всем происходящим со стороны. Вот руки человека в пилотской форме (его руки!) судорожно мечутся в поисках какого-либо оружия, вот все тело (его тело!) напрягается и подбирается перед прыжком на жертву, в страхе сжавшуюся перед ним (позвольте, да это же Отто Райсман, наш родной специалист по работе с личным составом!).

Спасла овер-майора сирена. Раскатистый тревожный звук прокатился по всей территории базы, вторгаясь в самые потаенные и сонные уголки. Звук стремительно нарастал, а потом резко скатывался вниз, чтобы начать свой упорный подъем заново, и эти перепады проложили дорожку к сознанию Мартина. Неожиданно обретя контроль над телом, Мартин сморгнул, смотря на свои руки, почему-то сжимающие горло Гнусмана, на его выпученные глаза и откры-

тый, перекошенный в беззвучном крике рот. С трудом разжав сведенные пальцы, он позволил зашедшемуся в кашле Гнусману кулем свалиться на пол, продолжая пялиться на свои трясущиеся ладони.

Сирена продолжала завывать, сигнализируя общую тревогу. «Боевая», – отстраненно классифицировал ее Мартин. Вроде бы он должен куда-то бежать. Вроде бы должен что-то делать. Мартин постарался припомнить свои обязанности и с удивлением понял, что сделать этого не может.

В углу судорожно кашлял овер-майор, даже не пытаясь подняться.

«А ведь мне теперь точно конец, – вдруг пришло в голову Мартину, и он понял, что в данный момент его это нисколько не волнует, – повторное нападение на своего офицера овер-канцелярия точно не простит». Ноги почему-то подвели его, и он осторожно опустился на камерное ложе, не отводя отрешенного взгляда от своих рук.

Минут через пять на гауптвахту влетел запыхавшийся Уморыш. К этому времени овер-майор пришел и себя и, все еще сидя на полу и потирая рукой горло, настороженно смотрел на безучастного Мартина. Уморыш открыл рот для доклада, но споткнулся от этого неожиданного зрелища и в результате выдал лишь нелепое:

– Овер-майор? А почему... – и замолк, не в силах подобрать слов, чтобы охарактеризовать представшую перед ним картину.

Повисла тяжелая пауза, которую только подчеркивала завывавшая за окном сирена.

– Что вам угодно, флай-лейтенант? – Голос Гнусмана был одновременно и хриплым, и каким-то каркающим, но интонацией он отчетливо дал понять Райлеру, что тот здесь как минимум не вовремя.

– Сэр! Боевая тревога, сэр! – очнулся Уморыш. – Наши детекторы засекли приближение с орбиты корабля энергов! Мне нужны все мои, – тут он неприязненно покосился на Мартина, – старшие пилоты, сэр!

При слове «энерги» Гнусман вопросительно поднял бровь.

– Вы уверены, флай-лейтенант? Что им здесь делать? Прилетели за нашим, – овер-майор поднялся одним резким движением и, сделав неопределенный жест в воздухе, с трудом придумал причину, – песком?

– Не могу знать, сэр! – Кто-кто, а Уморыш всегда точно знал, что следует отвечать старшим по званию.

– Ладно. – Было видно, что в Гнусмане боролись два желания – первым было немедленно послать во тьму назойливого флай-лейтенанта и закончить с Мартином, а вторым – по долгу службы мчаться в штаб на свое рабочее место, ведь ситуация с вторжением энергов была, мягко говоря, не очень ординарная. – Забирайте своего старшего пилота. Но постарайтесь его не угробить, у меня к нему еще, – овер-майор скрипнул зубами, – осталось несколько вопросов.

– Так точно, сэр! Приложу все усилия, сэр! – Гнусман подозрительно посмотрел на флай-лейтенанта, проверяя, не издевается ли тот над ним, но вытянувшийся Уморыш являл собой просто-таки воплощение следования духу и букве устава.

– Да, постарайтесь, – зачем-то повторил овер-майор и стремительно покинул камеру.

Уморыш недоуменно проводил его взглядом и произнес:

– Следуйте за мной, старший пилот! Но помните, что после операции вы будете опять помещены под арест. Я обещаю вам лично проконтролировать этот вопрос. – И, окинув фигуру Мартина брезгливым взглядом, добавил: – Да приведите, в конце концов, себя в порядок!

До прибытия Уморыша Мартин вполне заслуженно считался лучшим пилотом базы. Патрулирование поверхности планеты велось на так называемых москитах – небольших хищных катерах, имеющих на вооружении лишь одну ракету, которой, впрочем, обычно за глаза хватало для поражения любой наземной или небольшой летающей цели. Что послужило основанием для такого названия, доподлинно было неизвестно. То ли сама форма катера, пред-

ставлявшая собой удлиненную носовую часть с вынесенным вперед жалом ракеты и четырьмя кормовыми стабилизирующими крыльями. То ли высокий, на пороге слышимости звук, издаваемый этими боевыми единицами во время своего стремительного полета. То ли вообще все это в совокупности, но меткое название «москит» подходило для этих юрких кораблей, официально именуемых «планетарный патрульный катер», просто идеально.

Уморыш же был планетарником от природы. При всех своих недостатках в воздухе он вытворял такое, что ведомые им пилоты после тренировочных полетов вываливались из боевых кораблей взмыленные и потные, причем подтянутый, даже не покрасневший флай-лейтенант тут же настигал их пятиминутным разносом о необходимости держать построение и о том, как это важно для поддержания боеспособности имперских войск. Пилоты скучнели, вяло соглашались со всем «Да, сэр!», и лишь Мартин ни разу не был удостоен такой отповеди и неоднократно ловил на себе одобрительно-уважительный взгляд Уморыша. Впрочем, на этом положительные стороны флай-лейтенанта успешно заканчивались.

Заняв место в своем катере, Мартин в очередной раз ощутил, как куда-то без следа девается терзающая его с самого утра головная боль, как проясняется сознание, отбрасывая все ненужные мысли, как руки чуть ли не с любовью поглаживают штурвал. Наверное, отчасти как раз это чувство практически физического единения с боевой машиной, мощной и на удивление послушной, примиряло его с действительностью. Может быть, именно поэтому Мартин сумел не сломаться после Ларги, хотя мысль о самоубийстве часто посещала его в те дни, и разжалованный флай-капитан нередко просыпался после пьяного угарного сна, судорожно сжимая оставленный лазерник. Хотя кто знает, может, военный следователь, сделавший эту поблажку и оставивший Мартину табельное оружие, как раз и рассчитывал на это решение свалившегося ему на голову мятежного офицера, что, несомненно, устроило бы всех, в том числе и овер-канцелярию. Как бы то ни было, Мартин, мчась над поверхностью планеты и не обращая внимания на бортовой компьютер, бубнящий о недопустимости совершаемых маневров, был обычно близок к состоянию эйфории.

– Построение – три пятерки, ведущие – старшие пилоты, я веду всю группу. – Несколько искаженный связью голос Уморыша был как обычно сух и деловит. Мартина всегда поражала перемена, происходящая с флай-лейтенантом в воздухе: нудный и придирчивый до невозможности на земле, за штурвалом он преображался в компетентного офицера-планетарника, отчего Мартин всегда с некоторой грустью вспоминал себя в молодости. «Мы все немного сдвинутые на полетах, – вдруг почему-то пришла ему в голову неожиданная мысль, – а там, на поверхности, живут, разговаривают, ссорятся и мирятся всего лишь наши тени, отражения нас летающих, настоящих». Мысль мелькнула и погасла, уступив место сосредоточенности управления катером – три боевые группы москитов красиво и на удивление слаженно поднимались в воздух.

– Цель – квадрат Б12, расчетное время прибытия – ноль-семь. – Мартин не поверил ушам. Уморыш явно собрался в этот раз переплюнуть сам себя и выжать из их старых машин невозможное.

– Есть Б12, ноль-семь, – подтвердил он полученную информацию. По какой-то негласной традиции пилоты никогда не пользовались во время переговоров ни званиями, ни привычным «сэр».

– Вводная – уничтожение единственного корабля противника. Группы сопровождения нет. Класс корабля... – Тут Уморыш помедлил, а потом повторил: – Класс корабля – корвет.

Мартин мысленно застонал. Даже если они придут в целости в квадрат Б12 (хотя до Б12 за ноль-семь – бред! полный бред!), то корвет без группы сопровождения на поверхности планеты мог означать лишь одно из двух – либо это потрепанная в боях техника, отставшая от основных сил, либо штурмовик, специально подготовленный для таких вот планетарных боев.

И на основании того, что Империя успела узнать об энергах за время войны, второй вариант смотрелся намного правдоподобнее.

А узнать имперские ученые смогли немного. Объединившись перед общей угрозой с половиной своих бывших врагов (хотя оставшаяся половина в это время все так же фанатично вела междоусобные войны), Империя, даже несмотря на непрерывный приток техники и ресурсов от неожиданно обретенных союзников, смогла лишь добиться неустойчивого паритета. Технологии энергов явно превосходили человеческие, и любая победа давалась имперской армии с огромным трудом, хотя и превозносилась до небес в целях пропаганды. Классифицировать корабли чужаков даже не всегда представлялось возможным – создавалось впечатление, что энерги собирали свои боевые единицы из цельных узлов, причем варьируя их в немыслимых комбинациях, что тем не менее не мешало результатам такого дизайна быть смертоносно эффективными.

В квадрат Б12, как ни странно, они прибыли точно в расчетное время и даже в целости и сохранности. И никого там не обнаружили.

Для миллиардов людей подчеркнуто невзрачное кресло Императора с двойной звездой в молниях над ним являлось символом верховной власти. Все официальные обращения начинались одинаково: строгая комната, пустое кресло, и вот он, Император, входит и стремительно занимает свое место, чтобы несколькими словами кардинально решить судьбу целых государств и с ног на голову перевернуть сложившийся политический порядок. Или просто поздравить простых граждан Империи с очередным праздником. Или и то, и другое вместе.

Ходили слухи, что это кресло принадлежало еще первому Императору и было привезено с домашнего мира. И что в его реставрацию вложена не одна тысяча кредитов. И что есть целый отдел ученых, следящих за его сохранностью. Одним словом, это кресло для миллиардов человек было почти что легендой.

А для актера Тадеуша Лапека оно было проклятием. И одновременно рабочим местом, потому как Тадеуш Лапек вот уже тридцать два года играл единственную свою роль – роль Императора. Впрочем, к чести сказать, играл недурно.

Когда-то давно молодого Тадеуша сразу по окончании выпускного экзамена в театральном училище пригласили к директору. Предвкушающий бурное застолье после учебных мук Лапек как на крыльях влетел в кабинет, находясь в весьма приподнятом настроении. Где и был арестован двумя невыразительными людьми из особого отдела без предъявления каких-либо обвинений. Тадеуш хорошо запомнил лицо их директора в тот момент – белое и какое-то непроницаемое. Складывалось впечатление, что нет никакого выпускника Лапека и никогда не было, а человек, стоящий между особистами, и не человек вовсе, а так, пустое место, досадное недоразумение, которое директор училища вынужден созерцать.

Потом были три ужасных дня в одиночной камере. Тадеуш тщетно пытался понять, чем же таким он разгневал овер-канцелярию, тасуя в голове колоду знакомых и все те невинные мероприятия, которые он посещал в свою студенческую бытность. И с каждым разом на дружеских лицах появлялись все более злобные выражения, а разные пьяные сборища с дурацкими шутками казались уже чуть ли не антиправительственными сходками заговорщиков.

К четвертому дню Тадеуш был готов признаться в чем угодно и кому угодно. К сожалению, из собеседников у него был лишь автоматический дозатор еды, исправно выдающий безвкусную пайку и сообщающий об этом невыразительным металлическим голосом. Хотя скорее всего Тадеуш просто тогда был не способен почувствовать вкус.

И на четвертые сутки его заключения состоялся разговор, который в одночасье стал точкой в короткой жизни неизвестного молодого актера. Тадеуш Лапек скоропостижно скончался, о чем ему недвусмысленно сообщало официальное уведомление о смерти, показанное тут же.

А сам Тадеуш становился Сайрусом фон Бейли, молодым потомственным аристократом, владельцем целой планеты и по совместительству наследником Императора.

Он так и не понял, кто тогда сидел перед ним и тихим вкрадчивым голосом объяснял сложившуюся ситуацию. Лицо собеседника было в тени, и только голос обволакивал со всех сторон, почему-то доводя Лапека до дрожи в коленях.

– Вы только что получили контракт на всю жизнь, Тадеуш. Вы сыграете такую роль в мировой истории, по сравнению с которой все остальные роли не более чем жалкое фиглярство. Не дайте же нам усомниться в правильности нашего выбора.

Что случилось с настоящим фон Бейли, Тадеуш тоже пытался не думать, находясь в странном состоянии какого-то восхищенного ужаса перед разворачиваемыми перед ним подробностями аферы вселенского масштаба. Подумать только, покуситься на саму суть Империи, на символ ее незыблемости и стабильности!

А голос все шелестел и шелестел:

– Конечно, вам придется многое изучить. Привычки, речь, походка, операция по изменению внешности, наконец, – над этим поработают лучшие специалисты, не сомневайтесь. И в конце концов, перевоплощение – ваше призвание!

Через год умер прежний Император. И Сайрус фон Бейли, он же Тадеуш Лапек, впервые заняв кресло Императора, обратился к народу со словами соболезнования.

И с той поры попал в золотую клетку, откуда не было выхода.

Первые несколько лет ему это даже нравилось. Миллиардная аудитория смотрела на игру молодого Тадеуша и тщательно внимала каждому его слову, тысячи политиков соседних государств дотошно анализировали каждый его жест, пытаясь предугадать ближайший курс Империи. Это завораживало и пугало Лапека. Конечно же, тексты готовились для него заранее, но манеры, жесты, интонация – это все было только его. И каждый раз перед записью обращения обязательная беседа со странным человеком без лица, тихий голос которого отчего-то пугал с каждым разом все больше и больше, хотя, казалось бы, к нему давно можно было привыкнуть.

Тадеуш жил в огромном доме на берегу озера, не имея ни в чем отказа, кроме контактов с внешним миром. Съёмочные группы различных каналов в счет можно было не принимать, общение с персоналом видеозаписи исчерпывалось благоговейными взглядами с их стороны, хотя Тадеуш был рад и этому. Он даже не представлял себе, где находится, так как сразу после «собеседования» был погружен в сон и не исключал возможности переброски даже на другую планету. По крайней мере средства Безликого, как окрестил для себя Тадеуш своего работодателя, вполне позволяли это сделать.

С каждым годом афера, сначала поразившая его своей грандиозностью, все больше и больше удивляла его теперь уже простотой. Огромные расстояния между планетами сводили к нулю личные контакты любого рода между дипломатами высшего уровня. Государственные деятели вели работу исключительно с помощью средств связи, используя цифровую печать своего образования, и многие из них тщательно скрывали место своего пребывания. И иногда Тадеуш представлял себя в качестве маленького довеска, инструмента для ввода печати. Собственно, так оно и было.

Потом это стало его тяготить. Молчаливый персонал обслуживания, словарный запас которого исчерпывался лишь «Да, сэр», «Нет, сэр», «Не знаю, сэр», осточертел ему до невозможности. Новости из внешнего мира он получал лишь по одностороннему коммуникатору, и все общение Тадеуша сводилось лишь к редким разговорам с Безликим, что особой радости в общем-то тоже не приносило.

Одно время Тадеуш пристрастился было к выпивке, но и тут вынужден был себя ограничить, получив строгое внушение и угрозу быть ею полностью лишенным.

И так получилось, что по истечении нескольких лет в роли Императора Лапек серьезно задумался о саморазоблачении. Последствия для Империи от такого шага сдерживали его еще какое-то время, но потом собственный эгоизм перевесил.

Для пробы Тадеуш твердо решил взбунтоваться во время очередной предварительной беседы перед записью с Безликим. Он накручивал себя неделю, набираясь смелости и оттачивая особо удачные фразы, которыми он, несомненно, поразит собеседника и заставит его прислушаться к своему мнению.

И весь разговор простоял, чувствуя, как язык опять предательски отнялся и потные руки ощутимо дрожат. В Безликом было что-то гипнотизирующее, и его голос полностью подавлял волю к сопротивлению.

После этого Тадеуш, обзывая себя трусом и другими малоприятными словами, совершил абсолютно бестолковый поступок. Во время съемки обращения вместо выданного ему текста он, шалея от собственной наглости, стал излагать все детали своего заточения. И с какой-то радостью наблюдал, как поначалу недоуменно, а потом все более ошарашено смотрит на него съемочная группа одного из главных каналов.

Среди них шестерых была одна еще совсем молоденькая девушка, блондинка, и ее широко распахнутые в недоверии глаза запомнились Тадеушу особенно отчетливо.

Естественно, съемку прервали. Безучастный персонал препроводил Лапека в его комнату, и поостывший Тадеуш стал с ужасом ждать предстоящего разговора с Безликим.

Но разговора не состоялось. Ближе к утру с трудом уснувший Тадеуш был поднят с постели и с мешком на голове отконвоирован в какую-то камеру. Громко лязгнула запираемая дверь, и он остался один, гадая, что его ждет за непослушание. Руки были свободны и Лапек осторожно, для верности подождав пару минут, стянул мешок.

Камера была маленькая, и яркий свет заливал ее полностью. Моргая от резкого перехода, Тадеуш разглядел несколько высоких силуэтов, которые окружали его со всех сторон.

Через несколько секунд зрение адаптировалось, и Тадеуш замер.

Это действительно были люди, все шесть человек из съемочной группы. Высокими они показались лишь потому, что были подвешены на свисающие с потолка крюки. Прямо перед застывшим в ужасе Тадеушем неподвижно маячило лицо блондинки с выколотыми глазами. А к животу была небрежно приколата ее же заколкой записка с двумя словами: «За что?»

Звук, который Тадеуш услышал почти сразу, но поначалу не придавал значения, был звуком капающей крови. Люди были убиты совсем недавно и подвешены буквально за несколько минут до привода сюда Лапека. Лужицы под ногами еще не успели как следует натечь, но и площадь пола в камере была невелика, и несколько разрезов на телах обещали в скором времени снабдить его красным покрытием полностью.

За ним явно наблюдали, потому что после того, как Тадеуш судорожно отдернул ногу от подкравшегося ручейка, свет в камере погас. И Лапек остался в полной темноте наедине с шестью мертвыми телами и тихим, ускоряющимся с каждой минутой перестуком падающих капель.

Он был вытащен прямо из кровати в нижнем белье и босиком. Стоя ровно посередине и боясь даже дышать, Тадеуш чувствовал, как его накрывает какой-то животный ужас. А потом, ощутив, как его правой голый ноги коснулось нечто теплое, он заорал и в панике отступил, тут же поскользнувшись, и в попытке не упасть ухватился за одно из висящих тел. Труп не был закреплен и легко соскользнул. Тадеуш рухнул во что-то мокрое и липкое и, практически уже ничего не соображая, забился в тщетных попытках встать, придавленный сверху почему-то невероятно тяжелым телом.

Через сутки покрытого засохшей кровью скулящего Лапека с зажмуренными глазами выволокли из камеры и поместили обратно в его апартаменты. И после этого Тадеуш, полностью пришедший в себя только спустя неделю, стал безупречно послушен и сговорчив, и всякие

крамольные мысли если и тревожили его голову, то лишь до первого взгляда на вставленную в рамочку на стене смятую записку. По личному распоряжению Безликого два слова «За что?» на бумаге с бурыми пятнами должны были теперь вечно украшать его комнату. Так сказать, в назидание.

Правда, беседы с Безликим пришлось после этого урока проводить за несколько дней до предстоящей записи, так как Тадеуш был в состоянии изображать правителя самого грозного из человеческих государств лишь спустя некоторое время после общения с пугающим его до тошноты голосом. Безликий никогда и словом не обмолвился о произошедшем, но этого и не требовалось.

Он за тридцать лет так и не стал выглядеть иначе, да, собственно, Тадеуш его никогда толком и не видел. Складывалось впечатление, что само время боится этого змеиного голоса.

И вот теперь Тадеуш все чаще и чаще стал задумываться о том, что скоро его вообще спишут со счетов. Узнававший о своей женитьбе, рождении сына, его совершеннолетию лишь из информационных каналов Лапек не испытывал никаких ложных надежд по поводу своего будущего. Наверняка где-то готовится к вступлению на престол следующий тадеуш лапек, даже не подозревающий, какая роль ему отведена.

Роль простой марионетки. Обманки. Фальшивки.

И вглядываясь в запись выступлений предыдущего Императора, Тадеуш мучительно искал знаки того, что он был настоящий. Настоящий человек, свободный в своих действиях. Почему-то это для него было очень важно.

Последние два года дались ему особенно тяжело. Впрочем, именно в это время человечество столкнулось с энергами, и усталое напряжение Императора выглядело как нельзя более уместно, объяснимо укладываясь в картину противостояния с чужими.

– Сохранять строй! Я постараюсь найти место для связи с базой. Здесь мертвая зона! – Напряжение в голосе флай-лейтенанта было в прямом смысле слова осязаемым. Его москит резко вильнул вправо, тогда как остальные буквально зависли, перегруппировавшись в защитное построение.

Мартин заставил себя разжать руки, вцепившиеся в штурвал. После бешеной гонки над поверхностью его организм, накачанный стимуляторами (автоматическая система жизнеобеспечения так вкатила ему ударную дозу, признав его состояние критическим), требовал активных действий. Впрочем, Мартин был даже благодарен сработавшей автоматике – сегодняшнее утро было не самым легким в его жизни, даже если не брать во внимание мучавшее его похмелье.

Расстилавшийся под ними ландшафт также не внушал оптимизма. Поверхность планеты, насколько хватал глаз, была покрыта мелким серым песком с редкими островами каменных валунов, и лишь невдалеке на севере виднелась горная гряда, вздымающаяся над поверхностью подобно угрюмому лежащему великану. Раскаленный воздух на фоне гор слоился и изредка переливался неожиданно синеватым цветом.

«Синеватым? Тьма вас всех накрой!» – выругался про себя Мартин и заорал по внутренней связи:

– Локализован противник, направление – север-север-восток!

Это была излюбленная тактика энергов, владевших технологией, которая позволяла им скрывать свои боевые корабли. В самый неожиданный момент боя, когда, казалось бы, инициатива полностью уже переходила на сторону имперских войск, непонятно откуда появляющиеся свежие силы энергов в один момент радикально меняли расклад сил. Маскировочные экраны представляли для ученых Империи неразрешимую загадку, так как скрытые за ними корабли не регистрировались ни одним известным способом и в космосе были абсолютно невидимы. Атмосфера же человеческих планет почему-то делала, пусть и с небольшой

вероятностью, обнаружение внушавших трепет невидимок энергов визуально возможным из-за проявляющихся незначительных проблесков синего цвета. Утешало лишь одно – судя по всему, энерги не могли находиться в невидимости и вести боевые действия одновременно.

– Атакующее построение, направление – север-север-восток! – мгновенно откликнулся флай-лейтенант, но было уже поздно. Громадный корабль, никак не походящий на побитый в боях, с громким низким гулом, заставляющим вибрировать все тело до самых костей даже сквозь бронированную оболочку катера, проявлялся на фоне гор. Хлопки испаряемого воздуха, сопровождающие появление, терялись на фоне этого звука, как перестук отдельных капель во время шумящего ливня.

Это явно был штурмовик. И штурмовик огромный.

Корабль был настолько угрожающе чужероден, что у Мартина перехватило дыхание. До этого он видел боевую технику энергов только в видеозаписи с комментариями аналитического отдела, сбившегося с ног в поисках подходящих названий для странных гибридов. Но реальность, как оказалось, не имела ничего общего с записью. Ломаные линии, очерчивающие контур штурмовика и сходявшиеся при этом под совершенно неожиданными углами, были настолько чужды глазу в отличие от пусть не всегда изящной, но симметричной имперской техники, что Мартина так и тянуло отвести взгляд. Справа от штурмовика торчала громадная надстройка непонятного назначения, заканчивающаяся тонкой иглой, нацеленной прямо на них, причем соединена была эта штука всего лишь двумя тонкими леерами с основным корпусом. В левой же части корабля, наоборот, виднелось сквозное отверстие, сквозь которое отчетливо просвечивала горная гряда позади. Складывалось странное впечатление, что это отверстие предназначалось изначально для какого-то блока, но потом он был то ли демонтирован, то ли вообще не установлен туда. И, приглядевшись, по всей поверхности штурмовика можно было заметить повторяющую его контуры практически прозрачную пленку, как если бы гигантский стекольщик зачем-то покрыл весь корабль одним сплошным стеклом с многочисленными гранями.

И тут воздух вокруг взорвался. Сполохи лазерных выстрелов заполнили собой обзор, и на мгновение Мартину показалось, что он ослеп. Руки сами собой вцепились в штурвал, и мир вокруг его катера завертелся в безумном танце.

Шансов у них не было никаких. Через минуту Мартин понял это совершенно отчетливо, наблюдая, как одна за другой гаснут зеленые точки на его экране. Штурмовик энергов вел настолько плотный огонь, что все силы пилотов уходили лишь на маневры уклонения. Лазеры буквально косили замешкавшиеся хотя бы на мгновение катера, не давая приблизиться на расстояние ракетного залпа. Тройка ракет тем не менее ушла в сторону штурмовика. «Далеко», – скрипнул зубами Мартин и тут же услышал флай-лейтенанта:

– Огонь только на близкой дистанции!

ПРО-системы штурмовика тоже работали безупречно.

Ракеты, не успев даже набрать значительную скорость, были немедленно сбиты несколькими точными сгустками плазмы. Один из выстреливших москитов, не успев уклониться, тут же исчез во вспышке пламени, два других, каким-то чудом извернувшись, на предельной скорости выходили за пределы линии огня.

– Отстрелявшиеся – отвлекающий маневр! Не покидать бой! – подстегнул их голос флай-лейтенанта.

По-хорошему, им требовалось отступить, оставив победу за штурмовиком. Но их старенькие девятнадцать москитов (уже двенадцать – с горечью отметил Мартин, кинув быстрый взгляд на свой тактический экран) представляли собой единственный заслон на этой планете на пути к слабо защищенной базе и гражданскому городку. Поэтому можно было надеяться лишь на то, что с базы уже запросили подкрепление, и все, что им оставалось, так это заставить энергов как можно дольше уничтожать их побитые катера.

Москит флай-лейтенанта каким-то чудом промчался сквозь частокол лазерных лучей, таща у себя на хвосте еще один катер. «Интересно, кто это сумел не отстать от Уморыша», – мелькнула мысль у Мартина, немедленно бросившего машину в том же направлении, чтобы оттянуть на себя максимально возможную часть огня. Лазерные вспышки замелькали сплошной стеной, но и в этот раз Мартин сумел вывернуться.

Уморыш с ведомым тем временем вынырнули прямо к странной надстройке штурмовика, и две ракеты буквально вплотную ушли в энергов.

«Есть!» – сейчас Мартин готов был простить флай-лейтенанту все на свете и еще немного авансом.

Противоракетная система на таком расстоянии не сработала, и две начиненные смертью боеголовки врезались в корпус штурмовика прямо в непосредственное место крепления непонятной иглы.

Точнее, было похоже, что врезались. Прозрачная пленка в той части, идущая практически в метре от обшивки по всему корпусу, мгновенно потемнела до абсолютного иссиня-черного цвета, и на ней расцвели два ракетных взрыва. Растекшись огнем по плоскости, они слились в одно пылающее пятно и через несколько секунд сошли на нет. Пленка пошла тонкой рябью, очищаясь от гари и следов попадания ракет, и ровно через мгновение стала опять удивительно прозрачной, явив нисколько не пострадавшую обшивку штурмовика.

Москит флай-лейтенанта вильнул, отходя от корабля энергов, а его ведомый замешкался и был в прямом смысле слова подброшен ударившим снизу лазером. Капсула жизнеобеспечения успела вылететь из распухающего огненного шара, чтобы буквально в следующую секунду напороться на лазерный луч, аккуратно разрезавший ее пополам.

«Семь», – машинально сосчитал Мартин оставшиеся зеленые точки на экране.

Останки зазевавшегося москита по инерции пронеслись вверх по наклонной и там развалились на несколько пылающих частей. Одна из них, когда-то бывшая головной, крутясь в воздухе и оставляя за собой дымный след, медленно спикировала прямо на верх корпуса штурмовика. Задержавшись там на некоторое время, она с отчетливым лязгом съехала вниз, ведя за собой темную полосу копоти. Защитное поле энергов, очевидно, посчитало ее недостаточной угрозой и не среагировало.

– Отстрелявшиеся – на базу, имеющие боезапас – цель на мой катер! – Флай-лейтенант уже заходил на новый круг. «Он что, хочет свести с нашей помощью счеты с жизнью?» – недоуменно подумал Мартин, с некоторой завистью провожающий взглядом выходящие из боя два москита. «Надо было давно выпускать ракету да валить сейчас с ними», – тем не менее он послушно выполнял приказ флай-лейтенанта, переводя того в приоритетные цели. Бортовой компьютер яростно верещал, протестуя против такого вмешательства. Мысль о том, что он сейчас всадит ракету прямо в Уморыша, почему-то неожиданно развеселила его. Флай-лейтенант явно полностью съехал с катушек, ну так что ж, он, Мартин, просто выполнит приказ и с чистой совестью смоемся от этой громадины подальше. Если сможет, конечно.

В это время игла на штурмовике начала неприятно вибрировать и распространять вокруг себя интенсивное свечение. Энерги явно почуяли приближение скорой победы и под конец готовили какой-то сюрприз. «Боюсь, это будет моей последней в этой жизни неожиданностью», – тоскливо подумал Мартин. Пять оставшихся потрепанных москитов смотрелись на фоне неповрежденного штурмовика весьма удручающе.

– Собраться в одну группу, я ведущий, держать огневую дистанцию. – Флай-лейтенант, похоже, собрался совершить не просто самоубийство, а самоубийство коллективное. «Конечно, чего уж тянуть, – мысли Мартина скакали с одного на другое, – облегчим энергам задачу!» Один из пяти оставшихся москитов неожиданно вздрогнул и сорвался вниз, явно не управляемый, – что случилось с его пилотом, так и осталось неизвестным.

Игла в это время уже сияла ослепительным белым светом, так что на нее было больно смотреть. Направление ее медленно, но неотвратно менялось, переходя из строго горизонтального положения в наклонное.

А флай-лейтенант опять прорвался. Более того, в тот же коридор успели втиснуться и остальные три москита, сбившиеся плотной группой и идущие на расстоянии ракетного выстрела от катера Уморыша. И вся эта группа каким-то образом умудрялась избегать лазерного заградительного огня.

Москит флай-лейтенанта, не имеющий боезапаса и поэтому более маневренный, резко ускорился, сделал практически на одном месте верхнюю незаконченную мертвую петлю, и в результате оказался развернутым задом к корпусу штурмовика. Инерция тащила его на корабль энергов и Уморыш, мягко гася скорость, аккуратно приткнулся кормой прямо к обшивке. Защитная пленка энергов явно была настроена либо на человеческое оружие, либо на что-то, движущееся с большой скоростью, но факт оставался фактом – москит флай-лейтенанта прильнул к штурмовику, практически зависнув в воздухе и обрисовав контуром своего корпуса в защитном поле дыру. Мартин в очередной раз восхитился Уморышем: за секунды проанализировать ситуацию, найти решение и, более того, осуществить все это на практике, причем если бы Мартин не видел маневр флай-лейтенанта своими глазами, то он скорее всего даже не поверил бы, что такое возможно.

– Всем катерам – огонь! – Еще до конца команды три ракеты хищно устремились к выпуклости катера. Одна из них летела немного впереди и, врезавшись в москит, взорвалась, прокладывая дорогу своим подругам. Может, Мартину и показалось, но он вроде бы даже увидел капсулу жизнеобеспечения, вылетевшую из москита Уморыша за мгновения до прибытия первой ракеты.

Взрыв пробил обшивку штурмовика, и две другие ракеты ушли внутрь, прямо сквозь аккуратную дыру в корпусе на месте бывшего москита флай-лейтенанта. Защитное поле снова сомкнулось, восстанавливая нарушенную целостность, и одну неимоверно долгую секунду казалось, что ничего не происходит. А потом штурмовик треснул.

Огненная волна пошла изнутри, разрывая корабль на две части. Разлом вспухал и змеился, как будто внутри штурмовика ворочалось нечто огненное и громадное, нечто, чему там было очень тесно и что стремительно пыталось выбраться наружу.

– Сваливаем! – заорал Мартин, выходя из ступора.

И тут сработала эта странная игла энергов. С конца ее сорвался тонкий белый луч и, так как штурмовик был наклонен раздирающим его изнутри взрывом, ушел вертикально вниз, прямо в землю.

И песок внизу моментально превратился в море. Бурлящее море расплавленного стекла, по которому от центра, куда попал луч, шли концентрические волны, дышащие жаром, сметающие все на своем пути. Впрочем, этого Мартин уже не видел. Из глубины штурмовика наконец-то вырвался огненный зверь, и взрывной волной неуправляемый москит понесло напрямик в стоящие на пути горы. Что случилось с двумя остальными катерами, Мартин даже не заметил, благополучно отключившись от встряхнувшего катер удара.

Корпус портативного коммуникатора едва заметно поблескивал в траве. Тадеуш бы нипочем не увидел его, если бы не следовал появившейся у него в последнее время привычке приходить на берег озера в одно и то же место и часами сидеть, уставившись на поверхность воды. По крайней мере тот, кто оставил здесь этот коммуникатор, прекрасно знал об этой особенности. Тадеуш воровато оглянулся на маячившего вдали охранника – Безликий все-таки недавно озаботился состоянием Лапека, и теперь его везде сопровождал безучастный сторож. На первую робкую попытку заговорить с ним охранник ответил таким безразличным взглядом, который начисто отшиб желание попробовать сделать это еще раз. Впрочем, Тадеуш подозревал,

что наблюдение за ним и так ведется практически постоянно, и усиление его – лишь демонстрация тотального контроля над его жизнью.

Сделав вид, что отряхивает штанину, Тадеуш, как ему показалось, незаметно поднял уютно лежавший ему в ладонь коммуникатор и сунул руку в карман. Это запросто могла быть проверка его послушания, но зачем она могла понадобиться, Лапек не понимал. По крайней мере пока что он не сделал ничего предосудительного – просто поднял валяющийся коммуникатор. Мало ли кто мог его здесь забыть.

«За что?»

Тадеуш мотнул головой, отгоняя давний кошмар. Сейчас он просто пойдет и отдаст его охраннику. И забудет об этом.

Он неторопливо, с нарочито скучающим видом направился к дому. Проходя мимо охранника, Тадеуш отвернулся, боясь, что лицо выдаст его. Сердце, казалось, стучало прямо в голову.

Охранник молчаливой тенью пристроился за ним.

«Отдай! Отдай! Отдай!» – надрывался здравый смысл в такт ударам сердца, но Тадеуш, сам себе удивляясь, все так же неспешно шел в свою комнату. Вечером, под одеялом, он просто посмотрит, что попало ему в руки, и решит, что со всем этим делать.

«За что?»

Куда бы ни пытался смотреть Тадеуш, взгляд его невольно возвращался к висящей на стене табличке. День все длился и длился, выматывая вынужденным ожиданием, и казалось, он вообще никогда не кончится.

Вечером Лапек едва притронулся к ужину, демонстрируя признаки плохого самочувствия, и лег спать пораньше, лишь только стало темнеть. Рука его сжимала коммуникатор. Он жег ладонь все те несколько часов, что Тадеуш притворялся спящим, выжидая полуночи.

Наконец, потихоньку забившись с головой под одеяло, он включил мокрый от пота коммуникатор. Тот тихонько пискнул, заставив Тадеуша вздрогнуть от страха.

На экране светились два слова:

«Тадеуш Лапек?»

Он набрал большим пальцем «Да» и, помедлив где-то с минуту, нажал ввод.

Ничего не происходило. Тадеуш вглядывался в экран, боясь моргнуть. Все так же неторопливо мигал курсор после его «Да», и неизвестный собеседник не отвечал. В воображении Лапека возникла картина: Безликий, сидящий с таким же коммуникатором в руке и смотрящий на это «Да». И его голос, тихо отправляющий охранников в комнату Лапека. В комнату, где на стене висит табличка с двумя короткими словами.

Тадеуш сглотнул.

«Здравствуйте, Тадеуш. У нас очень мало времени», – возникло вдруг на экране.

«Кто вы?» – набрал он в ответ.

«Нет времени на объяснения. Но мы можем помочь».

«Помочь?»

«Да. Приказ о вашей ликвидации уже отдан. Вы стали опасным балластом. Вам предстоит еще одна запись, а после этого вы будете уничтожены».

Тадеуш смотрел на слово «уничтожены». Не убиты, а именно уничтожены. Почему-то оно легло здесь очень уместно, быть может, как раз потому, что незнакомец озвучивал мысли, посещающие Лапека в последнее время.

«Тадеуш?»

«Да, я здесь».

«Мы можем вас вытащить».

«Зачем я вам?»

«Умный вопрос. Вы нам не нужны. Нам нужна цифровая печать».

«Печать Империи?»

«А вы имеете доступ к еще какой-то?»

«Цифровая печать без меня бесполезна. Только мой генокод способен активировать ее».

«Это наши проблемы. Мы гарантируем вам остаток жизни на свободе».

«Разве я могу вам доверять?»

«Вы слишком требовательны для покойника. Вы уже мертвы и терять вам нечего».

«Моя ликвидация – ваши слова».

«Не пытайтесь казаться глупее, чем на самом деле».

Тадеуш помедлил, перечитывая написанное. Если это была провокация, то она уже явно затянулась.

«Думайте скорее. Неужели вы не хотите хоть раз принять решение самостоятельно, как Тадеуш Лапек, а не фальшивый Бейли?»

Эта фраза почему-то подхлестнула его.

«Но печать находится все время у...» – тут Тадеуш помедлил, не зная, как назвать Безликого.

«У вашего хозяина».

Слово «хозяин» резануло глаз.

«Да, у него».

«Через несколько дней будет запись. А до этого вы будете подписывать мирный договор. Мы передадим вам точную копию печати, и вы подмените их. Если вам это удастся, то во время записи вы пригладите себе волосы, и после ее выхода в эфир мы будем знать, что все прошло успешно».

«Почему не через коммуникатор?»

«Слишком опасно. Завтра вы оставите его на том месте, где нашли, и там же возьмете копию печати».

«И что дальше? Если вы думаете, что я просто передам вам настоящую печать, то вы ошибаетесь».

«А дальше опять-таки не ваши проблемы. После записи вы пойдете к себе в комнату и будете вместе с печатью ждать там».

«Ждать чего?»

«Вы задаете слишком много вопросов».

«А вы уверены, что с вами разговариваю я, а не...» – Тадеуш споткнулся, но все же дописал, – мой хозяин?»

«Не забывайте, где вы взяли коммуникатор. Наш человек прекрасно осведомлен о ваших контактах в течение дня».

«Кто он?»

«Это не ваше дело. Вы хорошо поняли инструкции?»

«Да, вполне».

«До свидания, Тадеуш. И я надеюсь на ваше благоразумие».

Коммуникатор мигнул и погас, как будто у него разом отключилось питание.

В ту ночь Тадеуш так и не заснул, до самого утра ворочаясь и вспоминая слова незнакомца. А рано утром, совершив свою обычную прогулку к озеру, поменял там мертвый коммуникатор на маленький золотой брелок с символом Империи.

Впрочем, все складывалось довольно удачно. Подменить печать вообще оказалось чуть ли не самым простым делом. Безликого даже не было у терминала в тот момент, когда Тадеуш, приложив настоящую печать к считывающему устройству и дождавшись появления двух строчек с перечислением титулов Императора, аккуратно оставил на столике рядом фальшивку. Он был странно спокоен и собран, как будто бы именно этого дня ждал всю свою жизнь.

Охранник сопровождал его в комнату, и через несколько часов состоялась заурядная беседа с Безликим, где он в общих чертах обрисовал то, что нужно донести в очередном послании к Империи, и передал текст самого послания.

И опять-таки Тадеуш с какой-то радостью чувствовал, что голос, всегда вгонявший его в ужас, как будто бы потускнел и утратил часть своей силы.

Правда, напоследок Безликий сказал:

– Знаете, Тадеуш, мне почти всегда нравилось работать с вами.

Лица его, как всегда, не было видно, но Тадеушу почему-то вдруг показалось, что там застыла хищная улыбка. Улыбка довольного зверя, сытого и ленивого.

Слово «почти» и прошедшее время «нравилось» в свете разворачивающихся событий невольно приобретали зловещую окраску.

* * *

Утро того дня, когда должна была пройти запись, Тадеуш встретил все на той же волне какого-то лихого куража. Он наконец-то делал что-то, что хотелось делать именно ему, и от осознания этого факта испытывал нездоровое возбуждение.

С трудом дождавшись завтрака и даже не закончив его, он отправился в комнату с имперским креслом, где уже ждала группа видеозаписи. По пути он не удержался и улыбнулся охраннику, который пропускал его в дверь. Но тут же сердито одернул себя, поймав неожиданно внимательный взгляд с его стороны. Не хватало еще все завалить из-за какой-то мелочи. Нет уж, сегодня он, Тадеуш Лапек, все сделает как надо.

И, войдя, замер. Одна из пары глаз, что привычно встречали его подобострастным взглядом, принадлежала девушке.

Почему-то именно сегодня Безликий счел нужным нарушить установившийся порядок вещей, который не допускал с той памятной записи женского присутствия в съемочной группе. Причем счел нужным не просто нарушить, а тщательно подчеркнуть это, как будто бы до Тадеуша могло не дойти.

Девушка почтительно смотрела на немолодого уже Императора, небрежно откинув длинные светлые волосы.

Когда он очнулся, вокруг было практически темно. Мартин даже не сразу сообразил, где он и что вообще произошло, а вспомнив, поморщился. То, что он находился в капсуле жизнеобеспечения, а не на базе, не могло означать ничего иного, кроме того, что его не нашли. Если вообще искали. Или было кому искать. Ведь если штурмовик энергов был все-таки не один... Эту мысль Мартин вообще отогнал от себя как ненужную: их база без воздушного прикрытия продержалась бы от силы пару минут.

Капсула, судя по всему, была разбита. Мартин осторожно выбрался наружу, каждую секунду опасаясь вспышки боли в какой-нибудь части своего тела, но, к его глубочайшему удивлению, на первый взгляд он был невредим. Не считая нескольких синяков и разбитой брови, кровь на которой уже запеклась, Мартин вышел из этой переделки практически без ущерба для себя. Как всегда, после пережитого боя на душе было весело и радостно, хотелось заорать во всю глотку от переполнявших его чувств, но Мартин строго одернул себя – предстояло еще как-то добраться до базы.

Капсула была мертва, а значит, он был лишен единственного средства связи с внешним миром. Про катер Мартин даже не вспоминал: капсула жизнеобеспечения отстреливалась лишь в случае фатального повреждения москита, и поэтому насчет судьбы своей боевой машины Мартин никаких иллюзий не испытывал.

В аварийном отсеке капсулы нашелся только фонарик. Мартин ругнулся про себя – техники обеспечения отнюдь не являли собой образец дисциплины и ревностного исполнения своих должностных обязанностей. Ни портативной аптечки, ни положенного сухпайка на три дня там не было – такие мелочи на их заштатной базе никого не беспокоили. Мартину вспомнился Уморыш, постоянно конфликтующий по этому поводу с начальником склада, и он выругался еще раз.

К утру, проблуждав всю ночь и разбив фонарик при спуске с горного утеса, куда его занесло, Мартин обнаружил еще одну спасательную капсулу. А в ней – полумертвого флай-лейтенанта, находящегося в беспамятстве.

К сожалению, его капсула была тоже разбита, причем гораздо сильнее Мариновой. Да и самому флай-лейтенанту повезло куда как меньше.

Судя по всему, Райлер попал вместе с капсулой в поток раскаленного воздуха, который образовался в результате последнего удара энергов. Застывшее стеклянное море, вздыбившееся замысловатыми волнами, успело остыть до приемлемой температуры и тихо потрескивало. Его край едва доходил до того места, где лежала капсула Райлера, но флай-лейтенанту за глаза хватило и этого. Он был чудовищно обожжен, все его тело распухло, а кожа кое-где отслаивалась вместе с одеждой. Но хуже всего было то, что во время падения нижнюю часть капсулы напрочь оторвало, от чего ступни Райлера спеклись в невообразимый ком из обуви, плоти, стекла и песка.

Даже насмотревшийся в орбитальном госпитале на Валлии всяких ужасов Мартин поежился. Проверив еще раз неработающую связь, он вздохнул и осторожно полез в аварийный отсек. И за все время впервые порадовался дотошной педантичности флай-лейтенанта. В его отсеке был и сухпак, и шестидневный запас воды в стандартном имперском уплотнителе, и полностью заряженная аптечка, и даже табельный лазерник офицера. С некоторым недоумением Мартин также вытащил имперский военный медальон в виде двойной звезды в обрамлении молний; брать его с собой на задания среди планетарников считалось плохой приметой. Что, впрочем, объяснялось довольно прозаически – если пилот не возвращался из боя, то ритуальной службе Империи приходилось в спешном порядке заказывать новый для посылки его родственникам, и поэтому, как подозревал Мартин, такого рода поверья специально распространялись среди личного состава.

Райлер, не приходя в себя, застонал. Мартин лихорадочно выставил на аптечке смесь обезболивающих с антибиотиками и вкатил двойную дозу флай-лейтенанту прямо через одежду, с трудом найдя неповрежденный участок. Райлер выгнулся, но тут же мгновенно затих, и Мартин облегченно перевел дух.

Теперь, со свалившимся на его голову командиром, вариантов дальнейших действий оставалось не так уж много. Точнее, он был вообще один. Райлер явно был не транспортабелен, и оставалось лишь надеяться, что вышедшие из боя до крушения штурмовика москиты благополучно вернулись на базу. И что помощь, непонятно почему еще не прибывшая, уже в пути. Мартин тяжело вздохнул и стал обустраивать импровизированный лагерь.

Раскаленная в течение дня планета ночью успевала непостижимым образом остыть, и в темное время суток здесь было даже прохладно. Но утро уже вступало в свои права, и Мартин прекрасно знал, что буквально через час температура резко поднимется и начнется настоящее пекло. Капсула, даже потерявшая герметичность, отлично противостояла палящим лучам, так что Райлер хоть как-то был защищен. Мартину же срочно требовалось найти какое-нибудь укрытие, на привычные уже кондиционеры и искусственно поддерживаемый климат базы здесь надеяться точно не приходилось.

Отыскав рядом с капсулой Райлера какой-то обломок, Мартин выкопал около ближайшего валуна некую нору, и, забившись туда с куском безвкусной питательной плитки, больше

похожей на рыхлый кусок глины, впал в тревожную полудрему, настороженно вслушиваясь в каждый посторонний звук.

Проснулся он от лучей света, вливающихся ему прямо в лицо. Тень от валуна предательски скрылась с другой стороны, полностью обнажив убежище, и Мартин, обливаясь потом и с трудом разгибая сведенные ноги, вылез наружу. Тоскливо оглядев пустое небо, он потащился проверить состояние флай-лейтенанта.

Как ни странно, тот был еще жив. Молодой организм в сочетании с химией отчаянно боролся со смертью, и Райлер даже пришел в себя. Увидев подошедшего Мартина, он вяло попытался улыбнуться обожженным ртом, из-за чего на его лице появилась неприятная гримаса, и прохрипел:

– Сделали?

Мартин не сразу понял, о чем спрашивает Райлер, и только через несколько секунд сообразил, что речь идет о штурмовике энергов.

– Сбит, сэр!

Райлер прикрыл глаза и помолчал.

– Связь?

– Связи нет, сэр. Медпомощь не прибывала. Предварительный осмотр местности, – Мартин обвел глазами горизонт, прищурясь от сверкающего с одной стороны стеклянного моря, – результатов не дал. Со времени проведенного боя прошло чуть больше суток.

Он замолчал, не зная, что еще сказать. Повисла тяжелая пауза. Флай-лейтенант был далеко не дурак и хорошо понимал, что значит отсутствие эвакуационной бригады в течение столь длительного времени.

– Что со мной? – чувствовалось, что этот вопрос дался Райлеру особенно тяжело.

– Плохо, сэр, – коротко сказал Мартин, тщательно избегая смотреть на ноги Райлера. Несмотря на уколотые антибиотики, рядом с капсулой уже отчетливо пробивался тяжелый запах загноившейся плоти.

И опять эта напряженная пауза. Мартин сделал флай-лейтенанту еще один укол обезболивающего и покачал головой. Если в ближайшие сутки Райлера не доставить в стационарный госпиталь...

– Уходи на базу, – голос флай-лейтенанта был сух и еле слышен.

– Не дури, лейтенант.

Райлер удивленно раскрыл глаза, услышав от Мартина столь неуставный ответ.

– Я приказываю.

– В моем личном деле указано: «склонен к невыполнению прямых приказов», – Мартин упрямо поджал губу, – поэтому извини, лейтенант, тебе со мной не повезло.

– Вы будете помещены еще на трое суток ареста за неподчинение, – опять перешел на официальный тон Райлер.

– Согласен, лейтенант. Хоть десять. Запиши на мой счет.

Мартину вспомнилось уютное прохладное помещение гауптвахты, и он загрустил. Тьма с ним, с Райлером, действительно надо уходить. Идти ночами, пока прохладно, тут всего-то каких-то сто пятьдесят – сто шестьдесят километров, за три перехода можно и уложиться.

Мартин проклял свое упрямство и присел рядом. Один день, точнее, ночь, ничего не решит. Одну ночь он еще пробудет здесь, а завтра вечером точно рванет на базу.

– Рональд.

– Что?

– Меня зовут Рональд.

Мартин пожал плечами. Странно, но он действительно до этого момента даже не задумывался об имени Райлера. Уморыш было намного привычнее.

– Мартин. Мартин Клэй, – чувствуя себя идиотом, сказал Мартин. Педантичный флай-лейтенант прекрасно знал весь свой личный состав поименно.

Райлер попытался кивнуть и непроизвольно застонал. Судя по всему, разговор доставлял ему боль, но тем не менее он продолжил:

– Мартин, а кроме нас... – Райлер не закончил, но Мартин хорошо понял, о чем тот спрашивает.

– Скорее всего никого. По крайней мере шанс был только у нас четверых. Капсулы, которые отстреливались до этого, либо сбиты, либо... – Мартин сообразил, что Райлер даже не видел действия гигантского лазера-иглы. – Короче, энергии напоследок вскипятили землю. Если там кто и был в тот момент, то шансов у них не оставалось.

– Вскипятили?

– Точно. По-другому и не скажешь. Вокруг нас застывшее стекло. Выглядит красиво, но... – Мартин запнулся, – как-то жутковато.

Они опять помолчали. Райлер, очевидно, переваривал услышанное, а перед глазами Мартина почему-то возникла безумная картина – на дне стеклянного моря лежат капсулы-гробы с запеченными заживо людьми. Его передернуло, и он резко отвернулся от сверкающей глади. Если раньше его и одолевала безумная мысль прогуляться по поверхности, то теперь она куда-то бесследно исчезла.

– Знаешь, Мартин, а ведь я тоже здесь за неподчинение, – совершенно неожиданно сказал флай-лейтенант.

Мартин удивленно уставился на него.

– К чему это, лейтенант? – имя Рональд никак не вязалось с Райлером, и Мартин продолжал называть его просто по званию.

– Слышал о флай-командоре Павлевски?

Мартин кивнул, но, сообразив, что закрывший глаза Райлер его не видит, сказал:

– Конечно.

– Это был мой отчим.

Мартин вовремя остановился, чтобы не присвистнуть. Кто ж в Империи не знал победоносного Павлевски. В свое время одно его имя повергало врагов в уныние, а до энергов никто не мог нанести ему поражения. Мартин вспомнил волевое лицо, точеный аристократичный профиль человека, так часто показываемого по имперским каналам. Чтобы лежащий перед ним Райлер имел хоть что-то общее с этим легендарным символом военной мощи Империи?

– Да, отчим. Он женился на моей матери, когда я еще был совсем ребенком.

– Не самая плохая партия, лейтенант.

Райлер немного помолчал и выдавил сквозь зубы:

– По мне, это была самая большая ошибка в ее жизни. Думаешь, Павлевски герой? Военный гений? – Не дождавшись ответа, он продолжил: – Да, так и есть. Он был величайшим стратегом, талантливым командиром и... – тут Райлер выдохнул, – самой большой сволочью, которую я встречал.

После этого флай-лейтенанта словно прорвало.

– Я с детства помню его слова, когда он заявлялся домой после какого-нибудь имперского банкета: «Курва, ты в ногах у меня валяться должна! Если бы не я, что бы было с тобой и твоим щенком? По борделям бы шлялись на пару! И клянусь тьмой, этот голодранец там пользовался бы не меньшим спросом! Но ничего, я еще сделаю из него человека!» Я в то время ходил весь в синяках, а однажды он сломал мне руку в двух местах, когда я попытался возразить. Моей матери он любил надевать ошейник и сажать на цепь в ее комнате, словно собаку, веселясь при этом как полоумный. «Тебе никогда не стать значимее грязи под моим сапогом! – часто орал он мне, – да там тебе самое и место! Я даже представить себе не могу, кто был твой отец!» И запирали меня на несколько дней без еды в темном чулане, где и повернуться-то было негде.

Райлер перевел дух. Слова давались ему с большим трудом.

– А почему вы просто не ушли от него? – несколько ошеломленный неожиданным словесным потоком Райлера, только и нашелся Мартин.

Райлер ответил не сразу:

– Знаешь, как ни странно звучит, моя мать любила его. Она терпеливо и покорно сносила все издевательства и этим лишь больше раззадоривала моего отчима. Я никогда до конца не мог понять ее. По настоянию Павлевски я окончил летное училище, и окончил с отличием, но все, что я слышал от него, было: «Твареныш, что ты пытаешься доказать мне? Такие непонятно чьи ублюдки, как ты, только позорят имперскую форму! Ты думаешь, что хоть что-нибудь собой представляешь?» Впрочем, на людях он был неизменно вежлив и корректен, что провоцировало еще большие вспышки гнева, когда мы оставались наедине. «И знаешь, щенок, ты будешь теперь всегда со мной рядом, чтобы я мог все время приглядывать за тобой! – шипел он мне в лицо. – И только вздумай взбрыкнуть, ведь ты знаешь, что я сделаю тогда с твоей матерью-шлюхой!»

Райлер опять замолчал ненадолго, собираясь с силами.

– А потом, уже во время войны с энергами, чужие полностью переиграли Павлевски в битве. Это был тяжелый удар по его самолюбию. Овер-канцелярия давила на него, требуя немедленного положительного результата, и тут еще я имел неосторожность указать на несколько промахов непобедимого до этого флай-командора, причем сделал это во время совещания в штабе.

Не знаю, было ли это последней каплей, но он взбесился. Наорав на меня при всех офицерах, Павлевски как будто утратил вместе со своим лощеным самообладанием остатки разума. Он стал бросать на энергов все большие и большие силы, бездумно жертвуя тысячами жизней и совершая одну ошибку за другой. Тогда-то я и отказался вместе с дюжиной других офицеров его штаба выполнить очередной самоубийственный приказ. Павлевски пришел в ярость и отправил нас на расстрел, но, к счастью, овер-канцелярия вовремя заинтересовалась происходящим на передней линии фронта, и флай-командор был по-тихому, чтобы не портить репутации Империи, смещен с должности.

Через неделю он застрелился. Это удалось замять, смерть Павлевски преподносилась как невозполнимая потеря для Империи в боях с чужими. Энерги получили свою порцию проклятий, а овер-канцелярия тут же воспользовалась моментом, чтобы даже такое неприглядное событие использовать по максимуму в пропагандистских целях, успешно пряча концы. И мне было вручено предписание о переводе сюда.

Райлер глубоко вздохнул.

– А самым тяжелым после всех этих событий было получить письмо от матери, где она обвиняла одного меня во всем происшедшем.

Эта ночь была очень долгой. Примерно в полночь аптечка на очередной запрос замигала красным огоньком, что означало полностью выработанный ресурс. И еще часа через два действие обезболивающих прошло, и Райлер стал бредить.

Временами он затихал и лежал в забытьи, но большую часть времени он метался, стесненный узким пространством капсулы, и кричал. Мартин каждый раз вздрагивал от этого неожиданного крика, полного боли, и тщательно пытался не обращать на него внимание. Выходило не очень. Иногда Райлер скатывался на несвязное бормотание, и Мартин ловил себя на том, что напряженно вслушивается в редкие различимые слова, пытаясь уловить смысл. После исповеди флай-лейтенанта Мартин чувствовал себя как-то странно и неудобно.

К утру Мартин был полностью разбит. Неожиданный переход на ночной образ жизни давал о себе знать, и крики умирающего неподалеку человека тоже вносили свою немалую

лепту. У Мартина складывалось впечатление, что часть страданий Райлера каким-то образом перенеслась на него и теперь он сам словно мучается от боли во всем теле.

В течение всего следующего дня Мартин, не обращая внимания на жару, бродил кругами вдали от их лагеря, лишь бы не слышать флай-лейтенанта. В голове его было пусто, и он даже уже не вглядывался в небо, как раньше, ожидая прибытия помощи. Что бы там ни случилось, надеяться на чудо явно не приходилось.

– Уходи, – вечером уже не приказал, а попросил Райлер, – только лазерник мне оставь.

Мартин не стал спорить и молча положил оружие рядом с флай-лейтенантом. Постояв немного, он хотел что-то сказать, но ничего подходящего не пришло на ум. Поэтому он просто коротко кивнул и, резко повернувшись, размашисто пошагал по направлению к базе.

«Плохо, что лазерник беззвучный», – пришла ему в голову дурацкая мысль после первых же нескольких километров. Звук в пустыне был бы хорошо слышен, и не пришлось бы сейчас идти в таком напряжении, гадая, в какой момент Райлер примет решение. Может, прямо вот сейчас. Или сейчас.

Мартин остановился и понял, что не может уйти вот так, в неведении. Какая-то извращенная сила непреодолимо тянула его назад, чтобы удостовериться, что да, все, нет больше человека по имени Рональд Райлер, а на его месте лежит лишь несколько килограммов гниющей органики. «Лазерник может и пригодиться», – придумал он оправдание для самого себя и быстро, чуть ли не бегом, направился обратно к лагерю.

И что непонятно, по мере приближения к месту боя ноги Мартина замедляли шаг сами по себе, и последние несколько минут он практически силой заставлял тело двигаться. Наконец, ругаясь про себя, он застыл буквально в паре метров от разбитой капсулы, затаив дыхание и напряженно прислушиваясь.

Было тихо. Мартин громко сглотнул и выругался уже вслух.

– Мартин? – услышал он тихий голос и рванулся к капсуле.

На него смотрели виноватые глаза флай-лейтенанта. Он беспомощно улыбнулся и с трудом приподнял руку с неуклюже зажатым в ней лазерником. Пальцы распухли от ожогов и не позволяли воспользоваться оружием.

– Вот, – как-то не к месту сказал Райлер. Выражение его глаз сменилось на отчаянно просительное.

Мартин отвел взгляд.

– Нет, – глухо сказал он.

Райлер молчал, и Мартин чуть ли не кожей ощущал напряжение застывшего перед ним человека.

Подняв голову, он опять встретился с глазами Райлера, неотрывно глядящими на него. Флай-лейтенант протянул ему оружие, и Мартин загипнотизированно взял его, отстраненно отметив теплую и липкую рукоять.

А Райлер наконец-то устало прикрыл глаза.

Запись Тадеуш заporол.

Появление блондинки настолько выбило его из колеи, что пришлось потратить не один час на создание хотя бы чего-то отдаленно похожего на энергичное выступление главы государства. Волосы при этом Лапек измусолил себе так, что в перерывах гример просто сбивался с ног, восстанавливая нужный облик.

Наконец финальный результат удовлетворил всех, и выжатый досуха Тадеуш побрел в свою комнату. От былой бравады не осталось и следа, и вся эта затея с заменой представлялась ему каким-то абсурдным сном. Лапек даже пару раз сунул руку в карман, чтобы удостове-

риться, что печать и в самом деле там. Брелок был на месте, но облегчения это не приносило, скорее тревожило его еще больше.

Почему Безликий притащил эту девчонку именно сейчас? Что это – непонятная длинная провокация? Но зачем? Тадеуш и так находится в полной его власти. Или это просто финальный удар перед его ликвидацией? Просто игра кота с мышью перед тем, как оборвать ее мучения? Вопросов было много, а ответы упорно не желали появляться на поверхности. Тадеуш в очередной раз нащупал печать, и ему почему-то страстно захотелось ее куда-нибудь выкинуть.

Например, в озеро. Пусть Безликий помучается, доставая ее со дна. Если вообще найдет, конечно. Утеря цифровой печати наносила непоправимый удар по репутации, и восстановление ее было делом тяжким и хлопотным. Тадеуш даже не смог вспомнить, когда последний раз хоть у какого-нибудь государства случалось такое чрезвычайное происшествие.

Точно, если что, он просто ее выбросит. Спроси кто сейчас у Тадеуша, когда наступит это «если что», ответить он явно бы затруднился.

Кинув быстрый взгляд на бесстрастное лицо охранника у двери, Лапек сел к терминалу и стал ждать выхода в эфир своей записи. Несколько часов у него еще оставалось. Как его собирались похищать неизвестные «доброжелатели», оставалось для Тадеуша загадкой. Дом был набит охраной, периметр тщательно контролировался, и подобраться сюда незамеченными вряд ли вообще возможно. Это при том, что все прибывающие транспорты с орбиты наверняка проходили жесткий досмотр, то есть до поверхности планеты тоже еще надо было как-то добраться.

Тадеуш опять покосился на охранника. Плюс эта здоровая тень, что следует за ним по пятам. Опять же непонятно, что у него за инструкции в случае нападения. Может, он просто возьмет и пристрелит Тадеуша, просто так, на всякий случай, если будет происходить что-нибудь неладное. Лапек вздохнул и попытался расслабиться – гадать все равно не имело никакого смысла, оставалось только надеяться на то, что подбросившие коммуникатор люди в курсе всего происходящего. И что их план продуман и безупречен. В конце концов, речь шла о внедренном шпионе, а он-то должен был сообщить все подробности содержания Лапека.

Наконец открытый канал Империи начал трансляцию обращения. Тадеуша вдруг неприятно поразил незнакомый потухший человек, который, сидя в имперском кресле, говорил какие-то заученные слова, изредка невнятным движением проводя по виску. Да, так плохо он еще никогда не играл.

В любом случае это наверняка его последний выход на сцену.

Трансляция закончилась, и Тадеуш замер, вцепившись в стул. По крайней мере нужный знак он подал (и подал неоднократно), и теперь оставалось только ждать. Вот, правда, непонятно только чего.

Минуты тянулись еле-еле, неохотно складываясь в часы. Напряжение, охватившее Тадеуша, возрастало все больше и больше. Несмотря на мысленный приказ расслабиться, который он твердил себе снова и снова, его побелевшие руки все так же сжимали край стула.

Охранник у двери переменил позу, словно к чему-то прислушиваясь. В его ухо уходил проводок коммуникатора, и по нему сейчас явно шла информация. Вот он зачем-то кивнул, словно подтверждая услышанное, и его правая рука потянулась к оружию на поясе.

«Все», – сердце Тадеуша ухнуло куда-то вниз, пропустив удар. Глаза его неотрывно смотрели на руку охранника.

– Печать у тебя? – услышал он.

– Что? – От неожиданности того, что его сторож заговорил, до Тадеуша даже не сразу дошел смысл вопроса. Он вскинул голову и уставился на охранника.

– Печать у тебя? Покажи! – Тадеуш зачарованно вытянул руку из кармана с маленьким качающимся брелоком.

– Да, есть! – подтвердил кому-то охранник по коммуникатору. Он опять замер на секунду и потом резко бросил Тадеушу: – Давай, двигаемся!

Тадеуш продолжал сидеть, не в силах подняться. Ноги неожиданно отказались повиноваться ему, и он замер, не в состоянии сдвинуться ни на миллиметр.

– Быстрее, тьма тебя накрой! – Охранник рванул его за рукав. – Нет времени расслаиваться!

Он пинком открыл дверь, волоча за собой кое-как передвигающегося Тадеуша. Коридор был пуст, и это прибавило Лапеку решимости. Быстро, но осторожно пробираясь, они добрались до выходящей на улицу двери с расположенным рядом огромным окном.

А за окном шла бойня.

По всему периметру сновали темные стремительные тени, смазываясь и оставляя после себя лежащие человеческие тела в имперской форме. Мелькали вспышки тяжелых лазерников, изредка перемежаемые огоньками резаков.

«Каратели!» – похолодел Тадеуш.

Непонятно каким образом севший здесь транспортник стоял практически около дома, чуть-чуть промазав мимо озера.

– Ближе держись! – подстегнул охранник Тадеуша, нажимая что-то у себя на поясе. Мир вокруг них неожиданно исказился, приобретая какие-то ломаные очертания, как будто бы их накрыло гигантской призмой. И складывалось ощущение, что из окружающих предметов выкачали все теплые краски, заставив их потускнеть и как-то съежиться.

– Выходим! – Голос охранника тоже звучал как бы издали, сквозь вату. – Не вздумай отстать!

Тадеуша не нужно было упрощать. При виде зачистки он впал в какой-то транс и беспрекословно, как кукла, исполнял все команды своего проводника.

Они шли по широкой дуге, тщательно огибая поле сражения и время от времени застывая на месте. Несколько раз лазерный луч, казалось бы, должен был прошить их насквозь, но буквально в полуметре непостижимым образом менял траекторию, словно соскальзывая с некой окружающей их поверхности.

– Стой! Двигаемся! Медленно. Стой! – Слова охранника падали одно за другим, и Тадеушу уже начинало казаться, что эта пытка никогда не кончится.

Неожиданно перед ними вырос входной люк транспортника.

– Быстро! Внутри! – Охранник впихнул Тадеуша и ловко ввинтился следом за ним. Не давая Лапеку опомниться, он потащил его по коридору направо, одновременно деактивируя укрывающий их защитный механизм. Мир неожиданно вновь стал прежним, насыщенным, и у Тадеуша мгновенно закружилась голова.

Охранник резко остановился и открыл неприметную дверь.

– Сюда! – Тадеуш по инерции влетел внутрь. Дверь за ним захлопнулась, и послышался лязг запора, а потом удаляющиеся быстрые шаги.

Комнатка была небольшой. Посередине стояло одинокое кресло, в которое Тадеуш тут же рухнул, переводя дух. Последний час представлял собой что-то нереальное, как будто бы он смотрел развлекательный канал про бравые приключения имперцев. Вот только смотрел почему-то изнутри, сам участвуя в этой безумной постановке. Тадеуш вытер со лба выступивший пот и сунул руку в карман. Печать по-прежнему была там, и теперь это уже как-то успокаивало. По крайней мере он был еще нужен, иначе его провожатый просто бы пристрелил его в комнате и забрал печать. Вот только уверения незнакомцев о грядущей свободе пока смотрелись не очень правдоподобно. Что ж, может, он и сменил одну клетку на другую. Но само осознание того факта, что этим он досадил Безликому, радовало его безмерно.

Что-то кольнуло его в спину. Тадеуш дернулся и тут же почувствовал, как все тело наливается свинцом. Точно такие же ощущения, как тогда, в далекой молодости, когда его усыпили и перевозили на эту планету. Перевозили, чтобы сделать Императором.

Если бы кто-то мог наблюдать за транспортником со стороны, то увидел бы удивительное зрелище. Воздух вокруг корабля словно бы сгустился, потускнел, и через несколько секунд огромный корпус почти бесследно исчез, оставив только интенсивно помаргивающий синими всполохами контур. Которые, впрочем, вскоре тоже практически пропали.

Вот только наблюдать за этим уже было некому. Каратели закончили с охраной особняка и рассредоточились по территории, а некоторые из них в это время прочесывали сам дом, и исчезающий транспортник их нисколько не волновал. Волновало зачистку лишь то, что их детекторы еще сообщали о наличии человеческих особей поблизости. Особей, подлежащих немедленной ликвидации.

Очнулся Тадеуш совсем в другом месте. Кресло вроде бы осталось тем же, но помещение точно было другое. Оно больше походило на комфортабельную каюту на каком-нибудь престижном коммерческом шаттле. Тадеуш немало повидал их в рекламных роликах, убивая время за терминалом во время своего «правления». Он попробовал пошевелить рукой – с трудом, но она подчинилась. Действие снотворного еще не прошло до конца, и мысли в голове неспешно ворочались, не желая выстраиваться в связную картину.

Стремительный побег, зачистка, расправляющаяся с охраной, печать: образы мелькали перед глазами, устало прикрытые Лапеком. «Пора бы уже моим похитителям и объявиться», – всплыло у него в голове.

– Здравствуйте, Тадеуш, – раздался тихий голос. Голос, который заставил Лапека вздрогнуть, так как он был просто до ужаса знаком. Голос, который всегда доводил его почти до паники.

Голос Безликого.

Где он бросил лазерник, Мартин даже не вспоминал. Следующие трое суток слились для него в один тяжелый пеший переход. Ночью Мартин брел, увязая по щиколотку в песке, а днем зарывался в какое-нибудь укрытие, как и в первую ночь, и, зачем-то сжав военный медальон флай-лейтенанта, проводил жаркое время в некоем полузабытье.

На третьи сутки он вышел к восточному бункеру базы.

Этот бункер был самым слабым звеном среди их укреплений. Построенный по давно устаревшему прототипу, он был оборудован только одной лазерной турелью и по степени защищенности представлял собой скорее усиленный блиндаж. Турель могла обслуживаться всего лишь одним оператором, и попасть на дежурство в восточный бункер среди стрелков базы считалось наказанием. Сутки в одиночестве в тишине подземного помещения заставляли сходить с ума от тоски и безделья.

Бункер был пуст. Мартин внимательно осмотрел спящий компьютер турели и попробовал связаться с базой через коммуникатор. Дежурный не отвечал, и Мартина посетило какое-то неприятное чувство, что он остался последним живым человеком на этой пустынной планете. В прямом смысле слова заставив себя выбраться наружу из прохладного помещения, он кинул прощальный взгляд на равнодушно уставившуюся в воздух турель. По крайней мере бункер был цел и в боях явно не участвовал, что, впрочем, никак не могло объяснить отсутствие там оператора.

Мартин пожал плечами и направился дальше по направлению к базе. Близость цели непонятным образом придала ему сил, и он прибавил шагу.

База также была пуста. Это Мартин понял практически сразу, как только вступил на территорию за защитный периметр из бронепластин. В обычный день тут и там можно было услышать человеческую речь, рев транспортных моторов, словом, целый набор звуков, сопутствующих военной жизни. Сейчас же тут стояла тишина, лишь подчеркиваемая ритмичным гудением силовых генераторов и установок искусственного климата, и тишина эта была какой-то гнетуще напряженной. Звук шагов Мартина отчетливо разносился по территории, и он, сам того не замечая, стал стараться ступать потише.

Разрушений, на первый взгляд, тоже не было заметно. Вдалеке на взлетной полосе виднелась пара москитов, увидев которые, Мартин почему-то приободрился. По крайней мере как минимум еще два пилота добрались до базы в целости. Правда, это опять-таки не добавляло ясности в происходящее.

Даже если предположить неожиданную срочную эвакуацию всей базы, то как минимум москиты бы хозяйственные интенданты точно уволокли с собой. Военная техника в Империи никогда не бросалась, и все, что могло передвигаться, стрелять и летать, тщательно хранилось для нужного случая. И к тому же при эвакуации база консервировалась, и Мартин бы так просто сюда вообще не попал.

Заглянув по пути в казармы и также никого внутри не обнаружив, он направился к штабу. Даже если там пусто, то можно будет попробовать связаться с внешним миром через выделенную линию командующего базой. Или хотя бы с расположенным в нескольких километрах гражданским городком – уж он-то точно никуда не делся. Старый Сэмми изрядно удивится, увидев его в целости и сохранности. Представив себе лицо старого пройдохи, Мартин непроизвольно улыбнулся. И наверняка там, в городке, знают причину столь неожиданного запустения.

Штаб встретил его распахнутой заклинившей входной дверью и все той же пугающей тишиной. Побродив по коридорам, Мартин безрезультатно потыкался в закрытые двери. Как ни странно, запертые офицерские кабинеты добавили ему уверенности – это уже походило на планомерную, а значит, вполне допустимую эвакуацию. Он и сам не заметил, как по коридорам добрался до неприметной двери Гнусмана. Взявшись за ручку только ради проформы и ожидая увидеть привычное красное «в доступе отказано», Мартин неожиданно обнаружил, что дверь не заперта.

Кабинет был пуст. То есть пуст вообще, там не было ни мебели, ни легендарного двухметрового сейфа овер-майора с его секретами. Не было ничего, и белые голые стены неприязненно сверкали в холодном свете ламп.

Не было ничего, если не считать лужи засохшей крови на полу, что тянулась прерывающимся следом по направлению к двери, как будто бы по полу волокли что-то тяжелое.

Весом и размерами, к примеру, со стандартный армейский тюк с расходными материалами. Или с человеческое тело.

Мартин обнаружил, что, пока открывал дверь, даже забыл дышать, и, выдохнув, поспешно выскочил из штаба. Ничего не оставалось, как только опять тащиться по жаре в город, и тьма накрой, если он и там никого не найдет... Мартин оборвал себя на этой мысли. Следовало обязательно забежать в казарму и взять свой старый табельный лазерник. До, так сказать, выяснения обстановки.

За те полчаса, что он бродил по штабу, в казарме, казалось бы, ничего не изменилось. Но после кабинета овер-майора взгляд Мартина стал автоматически цепляться за всякие мелочи. Вот сдвинутая койка, как бы сдвинутая небрежно, но по уставу ей вроде полагается стоять прямо. Стояла ли она так четыре дня назад? Или нет? А вот на полу рассыпанные сигареты, часть из них раздавлена. Сколько они так лежат?

Некоторые койки застелены, некоторые расправлены. Этот бардак давно никого не волновал в их казарме, но Мартин почему-то всегда старался держать свое место в порядке.

А сейчас его постель была вся перевернута, как будто бы там кто-то изрядно порезвился. Или что-то искал.

Мартин осторожно, стараясь не выпускать из виду входную дверь, приблизился к своему шкафчику. Не глядя, он набрал личный код доступа и аккуратно открыл дверцу. Лазерник лежал на месте, и Мартин облегченно перевел дух, сразу вцепившись в оружие и почувствовав себя немного уверенней. Только тут до него дошло, что секунду назад он был близок к какой-то необъяснимой иррациональной панике. И что его левая рука опять почему-то стиснула медальон флай-лейтенанта. Мартин почти неприязненно посмотрел на него и решительно сунул на полку.

И сразу же снова напрягся. Он всегда оставлял свой собственный медальон в шкафчике, не то что под влиянием какого-то суеверия, а просто отдавая дань традиции. И медальон этот небрежно валялся там в уголке столько, сколько Мартин вообще владел этим шкафчиком.

А теперь его не было.

Мартин так же аккуратно закрыл дверцу. На базе явно творилось что-то непонятное, и ему это не нравилось. Надо было срочно двигаться в город.

Накопившаяся усталость исчезла без следа, и Мартин мягко, стараясь держаться около стен, направился к выходу с территории базы. На секунду ему захотелось взять москит и домчаться до городка за несколько секунд, но он переборол это желание. Пеший он будет более незаметен.

Вокруг было все так же пусто и тихо. Мартин, вертя головой во все стороны и пытаясь смотреть одновременно на триста шестьдесят градусов, бросил быстрый прощальный взгляд на здание штаба. И каким-то боковым зрением уловил даже не движение, а как бы его отблеск в районе окна на втором этаже. Мгновенно застыв и вжавшись в прохладу стены, он уставился на штаб и несколько долгих секунд до боли всматривался в окна, боясь моргнуть и пропустить то, что привлекло его внимание.

«Показалось, – подумал Мартин, – нервишки-то точно придется подшаманить у медиков после всего... этого. И компенсацию потребовать. И отпуск». Мысли метались в голове, как стая растревоженных птиц.

В окне первого этажа отчетливо мелькнула тень, сопровождаемая тусклым огоньком, мигнувшим и сразу же погасшим.

Мартин беззвучно выругался. Он же только что был там, внутри! Разве что кто из офицеров, потревоженный его попытками открыть дверь, выбрался наружу и теперь ходит, ищет источник беспокойства? Может, все-таки была эвакуация, точнее, она еще в процессе? И какой-нибудь патруль оставлен для пригляду за неупакованным еще имуществом?

Мысль была дикой, имперцы никогда так не поступали, но по крайней мере хоть какое-то рациональное зерно в ней присутствовало. Мартин почувствовал струящийся по ресницам пот и наконец-то сморгнул. Почему-то вспомнилась кровь в кабинете Гнусмана и давящее ощущение чего-то неправильного в здании штаба.

Возвращаться туда решительно не хотелось.

* * *

Внутри, как и ожидалось, было пусто. Мартин, осторожно просочившись в здание, сразу же двинулся в то крыло, где видел (или все-таки, тьма их всех накрой, показалось?) что-то в окне. Ни людей, ни теней, ни каких тебе огоньков. «Пусто, как в кармане у пропойцы», – нехстати вспомнил Мартин поговорку Старого Сэмми.

Какое-то шестое чувство, присущее всем опытным пилотам и позволявшее им удачно избегать неприятностей в воздухе, прямо-таки надрывалось, предупреждая о непонятной опасности. Вот только откуда она исходила, понять было решительно невозможно.

«Нет, все, – подумал Мартин, – немедленно в город». Он отчаянно нуждался в информации.

И тут этажом выше отчетливо раздался резкий скрежет, как будто бы кто-то провел железным прутом по стене. И уж это-то точно была не галлюцинация.

Мартин застыл на секунду, сосредоточенно прислушиваясь, и, проклиная все на свете, с лазерником на изготовку стал медленно продвигаться к лестнице, ведущей вверх. Буквально на каждой ступеньке он замирал, чутко прислушиваясь, но вокруг было по-прежнему тихо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.